

МАСТЕРА УЖАСОВ

18+

ТОДД КЕЙСЛИНГ
ДЕВИЛЗ-КРИК

Мастера ужасов

Тодд Кейслинг

Девилз-Крик

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)

Кейслинг Т.

Девилз-Крик / Т. Кейслинг — «Издательство АСТ»,
2020 — (Мастера ужасов)

ISBN 978-5-17-144704-5

Неподалеку от городка Стауфорд находится местечко Девилз-Крик. Когда-то там стояла церковь зловещего культа, в которой бывший священник Джейкоб Мастерс проповедовал евангелие безымянного бога. В 1983 году церковь сожгли дотла, а практически все члены секты совершили самоубийство. Выжили лишь шесть детей Джейкоба, получивших прозвище «Стауфордская шестерка». Со временем их испытания забылись, а история таинственной секты превратилась в страшную сказку на ночь. В наши дни Джек Тремли, один из «Шестерки», ставший успешным художником, возвращается в Стауфорд, чтобы разобраться с наследством своей умершей бабушки Имоджин. Приехав, он сталкивается с тайнами своей семьи и с, казалось бы, давно похороненным прошлым. Но он еще не знает, что безымянный бог Джейкоба жив, что в пещере под Девилз-Крик таится настоящий и очень древний ужас, который скоро вырвется наружу, поглотив все вокруг.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-17-144704-5

© Кейслинг Т., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Часть первая	6
Глава первая	7
Глава вторая	9
Глава третья	15
Глава четвертая	21
Часть вторая	29
Глава пятая	30
Глава шестая	39
Глава седьмая	52
Глава восьмая	68
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Тодд Кейслинг Девилз-Крик

Todd Keisling
DEVIL'S CREEK

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Books Crossing Borders, Inc.
и Nova Littera SIA.

Перевод с английского: *Андрей Локтионов*
В оформлении обложки использована иллюстрация *Валерия Петелина*

Дизайн обложки: *Юлия Межова*

© 2020 by Todd Keisling
© Андрей Локтионов, перевод, 2023
© Валерий Петелин, иллюстрация, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

*Посвящается памяти
Фрэнка Майклза Эррингтона
и Мэтта Мольгаарда.
Нам вас очень не хватает*

Часть первая Та старинная вера¹

Где-то за пределами Стауфорда, шт. Кентукки

1983

¹ Спиричуэл последних лет рабства и Гражданской войны. По сей день является церковным песнопением в ритуалах протестантского Возрождения (*здесь и далее прим. пер.*).

Глава первая

Солнце висело низко над западным горизонтом, окрашивая лес своими ломаными лучами в оранжевые тона. В глубине души Имоджин Тремли знала, что до того, как оно снова взойдет, священник будет мертв. Она молилась об этом дне, молилась, чтобы другие узрели свет разума и, наконец, их время пришло. В прошлой жизни она бы сказала, что ее господь позаботился об этом, но теперь она была уже не так уверена.

В те дни Имоджин не знала, что именно слушало молитвы, которые она посылала во тьму, которые нашептывала в свои самые трудные минуты. После ужасов, свидетелем которых ей довелось стать в Божьей церкви Святых Голосов, она уже не могла с полной уверенностью утверждать, что ее бог милосерден.

Услышал ли он молитвы? Нет. Имоджин понимала, что сегодня фортуна решила улыбнуться ей, а другие наконец набрались смелости, чтобы выступить вместе против отца Джейкоба. Она боялась только одного: что они стали действовать слишком поздно, и детей его адской общины уже не спасти.

Автомобиль тряхнуло, когда они наехали на выбоину. Генри Прюитт на полной скорости мчался по извилистым поворотам Девилз-Крик-роуд. Из-под визжащих шин брызгал мелкий гравий.

Сидящий на заднем сиденье Джерри Тейт наклонился вперед. Лицо у него было бледным и хмурым, губы поджаты.

– Господи, Генри. Мы хотим доехать целыми и невредимыми, понимаешь?

Стиснув зубы и сжимая руль побелевшими от напряжения пальцами, Генри миновал очередной поворот. Джерри раздраженно откинулся на спинку, вцепившись в водительское кресло.

В зеркале заднего вида сверкнули фары, пронзив вечернюю мглу. В нескольких ярдах позади них ехала на ржавом пикапе «форд» Мэгги Грин, а замыкал колонну Роджер Биллингс на своем стареньком «додже». Петляя сквозь заросли Национального леса Дэниела Буна, они с демонической яростью мчались навстречу своей судьбе.

Имоджин оглянулась через плечо на заднее сиденье. Вид у Джерри был такой, будто его вот-вот вырвет. Гейдж Типтри встретился с ней взглядом, но ничего не сказал.

Невзирая на протесты Джерри, они оба знали, что, как бы быстро Генри ни ехал, этого недостаточно.

– И все же я думаю, нам нужно было обратиться к копам. По крайней мере, тогда бы нам не пришлось ехать одним.

– Мы уже пробовали, и это ни к чему не привело. Они боятся его так же, как и мы. Или мы, или никто, – произнес Генри бесцветным голосом, который звучал, как ветер, шевелящий кукурузную шелуху.

Все погрузились в молчание. «Тойота», грохоча, катила по грунтовке. Глубоко внутри Имоджин понимала, что Джерри прав – им следовало пойти в полицию, – но в словах Генри тоже была доля правды. Сколько раз они пытались привлечь внимание к ночным занятиям отца Джейкоба? Сколько потребовалось бы анонимных заявлений о жестоком обращении с детьми и изнасилованиях, прежде чем полиция, наконец, приняла бы меры?

«Слишком много, – сказала себе Имоджин. – А сколько бы детей еще погибло?» При мысли о внуке Джейки, возложенном на каменный алтарь отца Джейкоба, у нее закрутило живот. Она прогнала от себя этот жуткий образ, и сосредоточила внимание на дороге, мысленно возвращаясь к тому, что могла бы сделать, чтобы избежать такого исхода. Если бы она еще раньше раскрыла глаза, то, возможно, помешала бы Джейкобу промыть мозги ее дочери.

Имоджин закрыла глаза и обругала себя. «Что сделано, то сделано. Лауру тебе не спасти, но, возможно, ты спасешь маленького Джеки».

Возле дорожной развязки Генри сбавил скорость и остановился. Две разбитых колеи пересекали узкую лесную поляну и через несколько ярдов исчезали за поворотом. С незапамятных времен заросли, пожирившие грунтовку, заставляли путников поворачивать вспять, но местные знали обходной путь.

Имоджин открыла глаза. Начало тропы напоминало зияющую пасть, поджидающую их, чтобы проглотить. Через полмили тропа спускалась в овраг, по которому тек ручей, впадающий в реку Камберленд. На другую сторону они смогут перебраться через мостик, построенный несколько лет назад.

Оттуда рукой подать до ряда домов, или скорее хижин из картона и листового металла. Когда-то все они жили в тех домах, распродав имущество ради откровений отца Джейкоба и променяв свои привилегии и грехи на набожность и благоговение. За древней лес уступал место поляне, в центре которой возвышался Кэлвери-Хилл². На его вершине находилось сердце религиозной общины: небольшая побеленная церковь с черным шпилем. В яме под ней, в утробе этой пораженной скверной земли, они и найдут ублюдка.

Сердце Имоджин учащенно забилося. Она сунула руку в сумочку и вытащила отцовский револьвер, удивляясь тому, насколько тяжелой может быть такая маленькая вещь, и надеясь, что уроки отца не прошли даром.

Генри остановил машину и заглушил двигатель. Открыл багажник и повернулся к мужчинам, сидящим на заднем сиденье.

– Я не буду винить никого из вас, парни, если захотите сейчас отступить.

Джерри и Гейдж ничего не ответили, смотря прямо в лицо Генри. Затем, в знак молчаливого согласия между друзьями, все трое кивнули друг другу, что не осталось для Имоджин незамеченным. *Нужно довести дело до конца.*

– Джини, – произнес Генри, – Что насчет тебя?

Имоджин положила отцовский револьвер себе на колени, рассеянно водя пальцем по заряженному барабану.

– Джейкоб отнял у меня мою Лауру. И я ничего не могла поделать, поскольку он сказал мне, что на то была воля Господа. Я не собираюсь повторять ту же ошибку со своим внуком. Он не получит его... не получит никого из детей. Сейчас мы – всё, что у них есть. Если сегодня я встречу со своим Создателем, то буду знать: я сделала все, что могла, лишь бы все исправить.

Ее слова повисли в воздухе, отзываясь звоном, словно церковные колокола. Все знали, что предложение Генри Прюитта отступить было абсолютно напрасным; никто из них не смог бы сейчас дать заднюю, даже если бы захотел. Только не после всего того, чему они позволили случиться. Сегодня ночью они искупят свои грехи, так или иначе.

Имоджин открыла дверь, нарушив тишину. При звуке низких утробных песнопений сердце у нее едва не выскочило из груди. Между каждым заклинанием раздавались пронзительные детские крики.

– Началось, – прошептала она.

Мужчины выбрались из грузовика. Генри оглянулся на нее и нахмурился. Он понимал, что это – их бремя, и только их.

Генри вытащил дробовик из багажника и дослал патрон в патронник.

– Тогда давайте покончим с этим.

² Холм Голгофы (англ.).

Глава вторая

1

Джейкоб Мастерс стоял у порога своей церкви и смотрел вниз с холма на сотворенный им рай. Его люди читали нараспев молитвы, готовясь к подношению, выкрикивали многие имена их нового повелителя. Их дети – *его* дети – пели стройно, произнося забытые слова бога сладкими херувимскими голосами. Он прислонился к дверному косяку и закрыл глаза, радуясь мягкому ветерку, шелестящему в деревьях, нашептывающему в уши, подобно голосу Господню. *«Ш-ш-ш, – говорил тот. – Вдохни. Прими в себя. Это твоя воля. Твоя воля и Старые Обычаи неразделимы».*

Его воля. Да. Кто еще отдал бы все, чтобы воодушевить свою паству? Не ложный бог язычников в Стауфорде. Они забыли Старые Обычаи, отвернулись от очищенного Священного Писания, пойдя на поводу у обманщика и узурпатора. Еретики променяли обычаи крови, огня и разноязычия на более лицемерное, фарисейское учение. Их грехи были метафорой, а дьявол – призраком, созданным ими самими. Не более чем завуалированными попытками заполнить головы прихожан заумной чушью и ложью.

«Путь Избранных закален огнем, освящен кровью и проложен по костям проклятых. Жители Стауфорда вспомнят Старые Обычаи, и очень скоро».

Его новый господь так ему и сказал, открыл глаза на правду, и Джейкоб увидел ее прямо перед собой. Упадок и разложение современного общества усиливались и распространялись вокруг подобно раковой опухоли. Разве он мог оставаться в стороне и позволить этой нечисти захлестнуть землю?

О, сколько времени он потратил впустую, ведя свою паству по ложному пути?

Джейкоб открыл глаза. «Довольно, – сказал он себе. – Пора вернуть Старые Обычаи». Из глубин памяти донеслась песня его юности, слова рвались наружу.

– Дайте мне ту старинную веру, – тихо запел он, – ее мне хватит вполне.

Недалеко от подножия холма, там, где поляна переходила в лес, из теней появились огни, и песнопение стало громче. Джейкоб улыбнулся, когда увидел багровые фигуры, вышедшие из-за деревьев.

На опушке стояли шесть прихожан, которые были облачены в красные мантии, окрашенные ими специально к этому дню. Красный цвет символизировал жертву, через него члены паствы отдавали дань уважения новому повелителю. Каждый нес лампу, освещающая себе путь к церкви. А за ними, в белых мантиях, стояли их сыновья и дочери.

«Мои агнцы», – подумал Джейкоб, с наслаждением почувствовав внезапную тесноту в районе промежности. Он провел рукой по выпуклости и втянул в себя воздух от возбуждения. Его маленькие агнцы. Какая жалость, что очень скоро ему придется с ними расстаться. Но у его господя, как и у него, тоже есть потребности. В конце концов, он и сам лишь слуга.

Все-таки в основе Старых Обычаев лежало жертвоприношение. Жертвоприношение и много страданий.

Пение усилилось, и когда оставшиеся прихожане появились из леса, их лица сияли в свете фонарей. Джейкоба охватила радость. Его паства, его дети пришли сюда, чтобы увидеть, как вся их тяжелая работа увенчается успехом. Сегодняшняя ночь и все последующие будут приближать их на шаг к новому миру. Новый земной рай, свободный от язычников и еретиков.

И здесь, где он впервые услышал нашептанные ему истины о подлинном боге, он станет апостолом своего повелителя, спасителем своей паствы.

Джейкоб присел в дверях и провел пальцами по клочку голой почвы у своих ног. Погрузил руки в землю, ощущая легкую вибрацию от спящего в ней бога. Вытащив их, он извлек вместе с ними толстого дождевого червя, который обвился вокруг безымянного пальца. Поднес кисть к лицу и улыбнулся.

– Да исполнится воля Твоя, мой господь, моя любовь, мой свет.

Отцепив червя, он зажал его между зубами и откусил нижнюю половину. Верхнюю бросил к своим ногам, и та, извиваясь, упала в разрытую, похожую на открытую рану, ямку. Наслаждаясь горьковатым, металлическим привкусом, Джейкоб мысленно поблагодарил бога за подарок. Червь свернулся в клубок, после чего начал зарываться в уютную рыхлую почву. Джейкоб наблюдал за ним, пока тот не исчез, после чего проглотил землистую массу во рту.

Только через кровь мы вернем себе господство. Рвите их плоть при свете луны, и пусть кровь смоем проклятых.

В нем говорил повелитель, и впервые Джейкоб по-настоящему почувствовал себя правой рукой Бога. Слишком долго он преклонял колени у кафедры ложного идола, наблюдая, как каждое воскресное утро лицемеры рассаживаются на скамьях, восхваляя своего господа и при этом скрывая те самые грехи, которые презирали в других. Их время придет. О да, их время придет, всех смоет кровавой волной, не меньшей, чем при великом ветхозаветном потопе.

Жертвоприношение порождает жертвоприношение. Перемены не бывают без боли. Спасение приходит не от лени, а от очищающего огня агонии. Старые Обычаи требовали жертвоприношения и кровопролития. С божьей помощью Джейкоб Мастерс получит до конца ночи и то и другое.

2

– Но, мамочка, мне страшно.

Лаура Тремли посмотрела на Джека и сжала его руку. Ее маленький агнец всегда боялся, всегда сомневался в их вере и убеждениях. Она улыбнулась, мысленно желая, чтобы их новый бог заставил его замолчать навсегда.

«Скоро, – захотела она сказать ему. – Сегодня ночью Джейкоб снова получит тебя, и тогда я буду свободна».

Вместо этого Лаура шикнула на Джека и прошептала:

– Страх – это грех в твоём сердце. Будь сильным ради своего повелителя, как мы уже говорили.

Джек сморгнул слезы и вытер лицо рукавом мантии. Взглянул на других детей, в надежде увидеть у них такую же реакцию, как у него, но те уставились себе под ноги.

Лаура наблюдала за сыном, пытаясь прочесть его мысли. Гадала, будет ли он слушаться отца Джейкоба. Будет ли мальчик делать как ему велено даже перед лицом опасности? И примет ли его их бог, считая за подходящую жертву?

«О, милая, ты снова где-то мысленно витаешь».

В голове у нее зазвучал голос Джейкоба, шелестя, словно успокаивающий ветерок в прохладную летнюю ночь. Лаура закрыла глаза и улыбнулась, почувствовав, как ее окутало восхитительное тепло. Он всегда знал, что ей сказать, даже не произнося ни слова. Такой была его сила. Он видел ее насквозь, заглядывал вглубь нее, светя, подобно фонарику, в самые темные уголки сердца. Не для того, чтобы выставить ее напоказ или поиздеваться, а чтобы оздоровить и очистить ее дух.

«Моя воля и Старые Обычаи неразделимы», – сказал он ей. И она отдала ему себя, поскольку он этого хотел. Отдала ему сына, как и остальные. И сегодня ночью в последний раз сделает то же самое.

«Мы принадлежим тебе, – мысленно произнесла она, глядя на холм, где находился ее спаситель. – Я отдаю тебе мою жизнь и нашего сына. Возьми его, как ты взял меня».

И глядя на нее сверху вниз, Джейкоб снова заговорил у нее в голове: «Как пожелаешь, мой милый агнец».

Лаура закрыла глаза и втянула сквозь зубы воздух. Новая волна тепла прошла сквозь нее, вниз по животу и между ног.

– Твоя воля, – прошептала она, – и Старые Обычаи неразделимы, мой дорогой.

Джек сжал ее руку и рывком вернул к жестокой реальности.

– Мапочка?

Она посмотрела на сына и до крови прикусила губу. Рот наполнился теплой, с металлическим привкусом жидкостью.

– Помолчи. Твое время скоро настанет, дитя. Разве не видишь?

Глаза Джека наполнились слезами.

– Мапочка...

Но она больше не слушала его. Да, он был ее частью, но частью временной. Куском мяса и крови, вырванным из тела. Будут еще дети. Она молилась, чтобы они были благодарнее за принесенные до них жертвы.

На вершине холма Кэлвери-Хилл Джейкоб вскинул руки, приветствуя своих вернувшихся домой детей.

– Идите ж ко мне, агнцы мои, – воскликнул он. Ветер подхватил его голос и понес сквозь листья и ветви, на крыльях каждой птицы, в стрекоте каждого насекомого. Волей их нового господа Джейкоб Мастерс был повсюду, неразделим с природой, неразделим с землей, неразделим с их сердцами.

Лаура Тремли дернула сына за руку и поволокла вперед на холм, навстречу судьбе. Джек закричал от боли и страха, умолял мать остановиться, но она не слышала его. Она не сводила глаз со своего хозяина, своего спасителя, своего возлюбленного. *Твоя воля будет исполнена.*

Джейкоб смотрел на нее светящимися в меркнувшем свете глазами и ухмылялся.

3

Джек Тремли поморщился, когда пальцы матери впились ему в запястье. Он повернулся к своей сестре Сьюзан, ища утешения, но ее бледное лицо скрывал капюшон белой мантии, отражавшей свет материнской лампы.

Сьюзан Прюитт почувствовала его отчаяние, встретила испуганный взгляд, но говорить не решилась. Ее глаза все сказали за нее: «Просто прими. Что еще мы можем сделать?»

Джек искал в ее безмятежном лице ответы, которых, как он знал, там не было. С бешено колотящимся сердцем посмотрел на других облаченных в мантии детей. Чак, Стефани, Бобби и Зик казались такими же спокойными, как и Сьюзан, но он видел в их глазах тот же ужас, который чувствовал в своем сердце.

За несколько недель до этого, когда тяжесть реальности уже медленно давила на них, Джек осмелился спросить свою мать о том, что она называла «делами церкви». То, что он вообще обратился к ней с вопросом, являлось в ее глазах грехом, проступком, который получит осуждение со стороны их нового господа, и кара последует быстро. На теле Джека все еще не зажили следы от маленькой ветки, которой она его секла, и он уже неделю не мог спать на спине.

– Боль, которую ты чувствуешь, это всего лишь твои грехи, Джеки. Помни это, когда придет твоя очередь возлечь на алтарь.

При мысли о том дне полосатые шрамы на ягодицах зудели. Он тосковал по временам, когда они жили в городе, когда он учился в школе, а в церковь ходил только по воскресеньям.

Это было до того, как пастор Джейкоб «пробудился», когда Бог обратился к нему и приказал собрать паству.

Джек помнил ту проповедь и то, как его мать бросилась на пол, корчась от боли и бормоча слова, которых он не понимал. Это был тот день, когда Джек пережил свое собственное пробуждение, но по иным причинам. Мама уже не была его мамой. Эти слова метались у него в голове, пока Лаура Тремли тащила его за собой на Кэлвери-Хилл.

– Нет, мамочка, *нет*...

Окружающий мир взорвался, когда рука Лауры ударила его по щеке, заставив замолчать. Глаза Джека слезились, лицо жгло, но, посмотрев на мать сквозь стеклянную линзу горя, он сказал себе не плакать. Не сейчас.

– Наш Бог терпеть не может нытиков, дитя. Ты – часть чего-то гораздо более великого. Почему ты не можешь это понять?

Джек боролся с желанием закричать и убежать. Повернувшись, посмотрел на склон холма. И куда он побежит? Лес простирался на многие мили, и без лампы он непременно заблудится. Джейкоб найдет его в зарослях, и тогда последует настоящая расплата.

Лаура рывком натянула капюшон Джеку на голову и вытерла слезу с его щеки.

– Будь достойным сыном, – прошептала она. – Иди к Богу с честью.

Затем взяла его за запястье и потащила на холм. Пение у них за спиной стало громче, это шли следом другие прихожане.

4

Божья церковь Святых Голосов была святилищем, доставшимся Джейкобу с тех времен, когда Бог обитал еще на небесах и никто его не видел. В те дни пастор Турмонд Мастерс проповедовал об адском пламени и вечных муках с пылкостью, граничащей с инсультом, тогда как одна из прихожанок нестройно наигрывала на церковном пианино мелодию гимна «Старый прочный крест».

Да, были времена, пока Джейкоб не услышал голос их нового господя, звучащий не сверху, а снизу. После кончины отца Джейкоб надел мантию, чтобы вести паству к спасению, направить церковь к Земле обетованной, но обнаружил, что их скромное место встреч все это время находилось над их повелителем. Голос нового бога раздался снизу, наполнил его вибрирующим гудением, вызвав стук зубов и дрожь в теле.

«Подземный бог, – подумал он, наблюдая, как прихожане набиваются в церковь, а свет ламп освещает открытую рану в земле перед ними. – Ложь – вверху, любовь – внизу».

Он приветствовал прихожан в зале, где их ждало спасение. Ибо именно здесь он впервые услышал повелителя, шепчущего ему снизу. Полая пещера глубоко внизу была сродни пустоте в его сердце.

Джейкоб вскинул вверх руки, глядя на свою паству.

– Добро пожаловать, братья и сестры. Добро пожаловать, все. Прежде чем мы начнем это радостное мероприятие, не поможет ли сестра Тремли нам с молитвой?

Из толпы стоящих в зале мужчин и женщин раздался крик «Аминь!» Сестра Лаура Тремли склонила голову, и тень от капюшона скользнула вниз по ее лицу. Джейкоб начал шептать слова, которые заполняли ее горло, и вместе они заговорили как одно целое.

– Благослови нас, о Господь! В этот знаменательный момент мы платим дань кровью, чтобы очистить свой грязный дух. Благослови нас! Мы вверяем Тебе нашу плоть, чтоб Ты мог освободить нас от земного ада и посеять в нас семена рая. Пусть Старые Обычаи направят наши руки. Позволь нам увидеть ту ложь, что вверху, и познать ту любовь, что внизу. Аминь.

– Аминь, – продолжил Джейкоб. – Спасибо, сестра Тремли, за такое прекрасное благословение.

Он на цыпочках отошел от кафедры и двинулся вокруг рваной дыры в полу. Прихожане последовали за ним, синхронно раскачиваясь подобно неторопливой волне, готовой обрушиться на скамьи. Удушающая жара заполнила церковь, повисла над их головами густым облаком, высасывающим влагу из пор. На лбу и щеках у всех выступили капельки пота.

Джейкоб Мастерс ждал у края зияющей раны в полу. Он чувствовал, насколько сильно паства ждет его слов, *чувствовал* боль в их душах, и это ощущение заставило его улыбнуться. «Чаша моя преисполнена», – сказал он себе и поднял руку.

– Братья и сестры, я должен сделать признание. Он положил руку на сердце и опустил голову. – Я согрешил. Я – грешник. Мои грехи текут во мне, подобно драгоценной крови древности, и с каждым ударом моего сердца приходит новый грех. Многие годы я заблуждался, проповедуя учение моих предков... но потом я услышал истину.

– Аллилуйя!

– Спасибо, брат Адамс. Аллилуйя. Многие годы меня учили, что наверху есть бог, который судит нас через посредника из плоти и костей. Бог молчания. Отсутствующий бог. *Ленивый* бог. И в момент нужды, когда я подверг сомнению свою веру в этого бога лжецов, я услышал лишь окружающую меня тишину и биение греха в сердце моем. Братья и сестры, бог моего отца не слушает вас. Никогда не слушал и не будет слушать.

– Аминь, – прошептали прихожане, раскачиваясь под звук его голоса. Джейкоб улыбнулся. «*Они твои*, – сказал ему господь. – *Всегда были твоими*».

– И я упал на колени в этом самом доме, доме, построенном моим отцом, доме, построенном в честь их бога! Каждая балка, каждое бревно были положены сюда в честь Его. Братья и сестры, говорил ли со мной этот лжебог? Нет, не говорил. Дитя Его паствы, посланник Его веры, был недостойн этого. – Джейкоб указал на темную дыру в земле. – Но именно тогда, агнцы мои, я услышал голос другого бога. Истинного бога. И я понял, что обращал свои молитвы не туда. Братья и сестры, наш новый господь не безмолвствует. Нет, этот бог слушает...

Он шагнул в яму, но не упал. Джейкоб пошел по воздуху, паря в нескольких дюймах от отверстия, вызывая у своей паствы возгласы хвалы и благоговения.

– Этот бог слушает, и этот бог вознаграждает. Да, братья и сестры, истинный бог говорил со мной таким же простым и понятным языком, каким я говорю с вами здесь и сейчас. Он сказал мне, что я построю на этом самом холме новое царство, царство, из которого разрастется новый мир. Наш новый господь поведал мне о Старых Обычаях, на которых основаны наши убеждения... Именно поэтому, братья мои, мы и собрались здесь сегодня вечером. Мы удобрим землю кровью избранных, чтобы новое царство могло пустить корни.

Он указал сперва на потолок, затем на дыру под своими ногами, парящими в воздухе.

– Новая ложь вверху, старая любовь внизу. Братья и сестры, могу я услышать «Аллилуйя»?

Прихожане разразились ликующими возгласами, гулом святых голосов, возносящих хвалу не небесам вверху, а земле внизу. Джейкоб закрыл глаза, впитывая в себя их хвалы. Наслаждаясь божественным вкусом их пота и покорности. «Именно это, – понял он, – должно быть, и чувствовал Иисус».

Джейкоб ухмыльнулся. Наблюдая, как толпа последователей всецело отдается ему, он почувствовал сладкий вкус власти. Позволить этой чаше миновать его? Никогда. Тот посредник из плоти, рожденный отцовским лжебогом, был абсолютным глупцом.

Пастор раскинул руки, имитируя старый крест, висящий над входом. Подождал какое-то время, после чего опустил глаза на радостные лица перед ним.

– Братья и сестры, я разделяю ваше ликование. Сегодня ночью мы вместе породим новый мир. Сегодня ночью мы сорвем плод с запретного дерева и будем смотреть, как он гниет в земле. – Он повернулся к ряду женщин в красных мантиях. – Сестра Тремли, сестра Приюитт,

сестра Типтри, сестра Грин, сестра Биллингс и сестра Тейт. Дорогие мои. Вы шестеро избраны из-за вашей веры и плодовитости. Я возлег с вами и посеял семена нашей расплаты. И сегодня мы сорвем плод, выношенный вашими утробами, и отдадим его в дар нашему новому господу.

Шесть матерей заговорили все вместе:

– Твоя воля и Старые Обычаи не делимы, отец Джейкоб.

– Отдадите ли вы мне агнцев своих?

– Да, отец Джейкоб.

– Да будет так, – произнес он, поворачиваясь в воздухе к мужчинам, стоящим у двери. – Дьякон Джонс, дьякон Кронер, не будете ли так любезны спустить агнцам лестницу?

Прихожане расступились, уступая дорогу двум кроткого вида мужчинам, несущим старую ржавую лестницу. Они почтительно кивнули Джейкобу, после чего спустили лестницу в яму.

– Благодарю вас, братья мои.

Удовлетворенный, Джейкоб повелел, чтобы воздух у него под ногами расступился. Он погрузился в яму, как многие ангелы, удерживаемый крыльями чего-то гораздо большего, чем он сам. Мальчик, стоящий на краю ямы – агнец Лауры, маленький Джеки – посмотрел вниз и встретился с ним глазами. И на мгновение Джейкоб почувствовал, как внутри что-то шевельнулось. Пронзительный голос отозвался эхом из темных глубин его сердца. Этот крик заставил его замешкаться...

... Вот только крик этот раздался над ним, где-то за пределами церкви. Крик разделился на несколько голосов, и, когда над ним загремели шаги, где-то поблизости грянул выстрел.

«Еретики», – прохрипел его господь. Джейкоб Мастерс не стал терять время. Он протянул руку, схватил за ногу сына Лауры и потащил за собой в темноту.

Глава третья

1

Дробовик Генри Прюитта расколол ночь, разразившись градом картечи над головами их бывших друзей. Этот звук заставил Имоджин вздрогнуть, и она едва не уронила револьвер в кусты. Они пришли на Кэлвери-Хилл без предупреждения, их путешествие по лесу прошло без происшествий. В меркнувшем солнечном свете фонарики им не потребовались. Песнопения бывших братьев и сестер указывали им путь через заросли.

Стоя у границы леса, где подлесок сменялся заросшей, ведущей к холму тропой, Имоджин видела, как те встревоженно повернули головы. Она подняла револьвер и взвела курок, но замешкалась, увидев у края толпы прихожан чье-то изможденное лицо. Это был юноша, на вид лет восемнадцати от силы, и она не знала его. Сейчас появилось очень много новообращенных, и старая церковь едва вмещала такое количество людей.

В голове у нее раздался голос ее отца. «Помни, Джини, это уже не твои братья и сестры. Он кое-что сделал с ними, и их души настолько грязны, что их уже не отчистить».

Генри дослал еще один патрон в патронник, а Мэгги произвела предупредительный выстрел. Имоджин увидела, как остальные вздрогнули от звука, и с трудом подавила желание засунуть палец в ухо. Этот звон будет преследовать ее всю оставшуюся жизнь.

– Вы все должны немедленно разойтись! – крикнула Мэгги. – И отпустить наших внуков!

– Пошла ты на хрен со своим богохульством, шлюха!

Дьякон Кронер вышел в открытую дверь, обвиняюще подняв вверх палец. Имоджин бросила взгляд на Гейджа, тот поймал ее взгляд и нахмурился. Робби Кронер раньше был очень полным мужчиной, обжорой на грани инфаркта, с таким огромным животом, что едва мог согнуться. Но за недели, прошедшие после их изгнания, он похудел как минимум на двести фунтов. Тощее существо, спускавшееся к ним с холма, едва напоминало человека. Скорее это был обтянутый кожей скелет, облаченный в мантию. С шеи у него, как мох с умирающего клена, свисала большая складка кожи.

– Ближе не подходи, Робби. – Гейдж поднял охотничье ружье. – Нам не нужны неприятности от тебя и твоей родни. Мы просто хотим забрать детей.

Робби Кронер плюнул им под ноги.

– Вам здесь не рады. Отец Джейкоб изгнал вас неспроста. У нас нет времени возиться с неверующими.

– Скажи им, дьякон!

Имоджин посмотрела на вершину холма. Одна из новых прихожанок, незнакомая тучная женщина, стоящая в дверях церкви, перебила их своим криком:

– Верно, грешник! Мы тебя не боимся!

Из кустов вышел Джерри Тейт и протянул руку бывшему другу.

– Послушай, Робби, нам нужны наши внуки. Отправьте их нам сюда, и мы уйдем. Никто не пострадает.

Дьякон Кронер ухмыльнулся, в его глазах появился легкий голубоватый оттенок. Что бы тот безумец ни откопал на холме, оно разъедало не только их тела, но и разум. Это был уже не их старый друг. От прежнего Робби осталась лишь оболочка, марионетка, пляшущая под дудку своего хозяина, и она идеально держала ритм.

Дьякон смерил взглядом каждого из них.

– Тут ты заблуждаешься, Джерри. Вы можете отвернуться от учений доброго господя, но это не значит, что они не являются истинными. И кое-кто пострадает. Не пролив крови, нам не построить новое царство.

– Боже, Робби, послушай себя. – Роджер Биллингс вышел из леса и опустил винтовку, обращаясь к своему старому коллеге по рыбалке. – Джейкоб забил тебе голову ложью. Он опасен. Разве ты не видишь? – Роджер поднял глаза на стоящую возле церкви толпу. – Разве никто из вас не видит это?

– Мы видим то, что показывает нам наш добрый господь. А от богохульников и шлюх я не вижу ничего кроме лжи. От лжебога я вижу одну лишь ложь. – Дьякон Кронер сунул руку в рукав мантии. – Его воля и Старые Обычаи неразделимы.

Прихожане запели хором в знак согласия.

– *Его воля и Старые Обычаи неразделимы.*

Джерри был слишком отвлечен зловещими песнопениями, чтобы увидеть нож, спрятанный у Кронера в рукаве. Даже Имоджин отвела взгляд. Кожа у нее пошла мурашками от этих нестройных голосов. От повисшего в воздухе напряжения заныло сердце. В последующие дни и всю оставшуюся жизнь Имоджин Тремли будет воспроизводить ту ночь у себя в голове, задаваясь вопросом, были ли они готовы к тому, что в итоге произошло.

Дьякон Кронер продемонстрировал им нож. Мэгги вскрикнула, а Джерри и Роджер подняли руки в знак протеста. Генри и Гейдж опустили оружие, ошеломленные тем, чему стали свидетелями.

Дьякон Робби Кронер, когда-то видный член Торговой палаты Стауфорда и добрый богобоязненный христианин, поднес зазубренный клинок к своему горлу. Черная сукровица сочилась у него из носа и ушей, тонкими струйками стекала из уголков глаз. Кронер улыбнулся им всем, и на мгновение Имоджин показалось, что за искаженной маской, которую тот теперь носил вместо лица, она увидела проблеск человека, которого когда-то знала.

– Да исполнится воля твоя, мой господь.

– Подожди... – начал было Гейдж, но крики Мэгги заставили его замолчать.

Робби Кронер вонзил нож себе в шею. Лезвие рассекло кадык, и он рухнул на землю. Окружающий мир замер, воздух застыл, а стрекот сверчков смолк, пока из раны дьякона хлестала черная кровь.

К горлу Имоджин подступил крик, и он вырвался бы изо рта, если бы не то, что случилось потом. Один за другим прихожане Божьей церкви Святых Голосов последовали примеру Кронера. Один за другим они извлекли ножи из своих мантий и в считанные секунды перерезали себе глотки.

Детский крик разнесся над падающими телами прихожан и спустился к подножию холма. У Имоджин перехватило дыхание. «Джеки! О Боже милостивый, пожалуйста, только не Джеки!»

Страхнув с себя страх, она бросилась вверх по холму к церкви. Друзья кричали ей оставаться, но она не слушала их. Джеки там – как и все их внуки, – и она должна помешать этому безумцу причинить им боль.

Перешагивая через окровавленные тела бывших друзей, Имоджин молилась, чтобы не опоздать.

2

Джек пытался привыкнуть к темноте. Сверху из дыры падала пелена света, но вокруг висели тени, и где-то за ними находился отец Джейкоб. Пылинки плясали на свету, и Джек, проследив за ними взглядом, увидел на полу фрагменты чего-то, похожего на старую глиняную посуду. Мальчик попробовал наклониться, чтобы разглядеть получше, но при каждой попытке

пошевелить левой рукой та начинала сильно пульсировать от боли. Причем настолько, что он закричал во тьму. Но голос, казалось, растворился в пустоте, его заглушил этот удушающий вакуум.

– Здесь никто тебя не услышит, Джек. Кроме нас. Кроме твоего нового бога.

Голубая искра осветила пространство, и мальчик увидел в нескольких футах от себя отца Джейкоба. Тот зажег пальцем пару свечей. Не спичками и не зажигалкой – одним лишь пальцем. От осознания этого у Джека в жилах застыла кровь.

«Волшебство», – сказал он себе.

Никакого волшебства, дитя. Только сила. Сила, которую дает кровь и жертвоприношение. Сила нашего господя, воплощенная во мне.

Слова отца Джейкоба заполнили его голову подобно черному статическому шуму. Джек вздрогнул, затряс головой, чтобы избавиться от ужасного гула, но Джейкоб не покидал его разум, постепенно разрушал его волю, его дух и его душу. Все сильнее и сильнее Джек чувствовал, как угасает. Ощущал себя пленником в собственном теле, поскольку что-то другое заняло его место. Что-то бесформенное и бесконечное. «Тень», – подумал он.

Джек отвернулся от стоящего перед ним старика, пытаясь освободить разум от его влияния. В колышущемся свете свечей он заметил невероятное. На стенах были рисунки, старые надписи, высеченные на камне, написанные буквами, которых он никогда не видел в школе. Все поверхности покрывала пыль и грязь. Казалось, никто тут ничего не касался уже много лет. Возможно, сотни. Возможно, они были древнее динозавров. Уже сам возраст чего-то подобного выходил за рамки понимания Джека. И чем дольше он разглядывал знаки, тем сильнее болела у него голова.

Старый пастор стоял за каменной плитой. Его лицо освещал кружащийся вихрь света и тьмы, по контурам лица стекали тени. Заметив, что мальчик смотрит на него, Джейкоб улыбнулся. Тени стекали у него и изо рта. При виде этой темной слизи у Джека скрутило живот.

– Мы в утробе земли. Здесь наш новый господь говорит со мной. Он все это время был под нами. Возможно, несколько веков. Я пробил фундамент церкви до самой земли, затем голыми руками вытащил камни. И именно здесь я и нашел нашего повелителя.

Джейкоб поднял палец и коснулся фитиля свечи, стоящей в центре плиты. Искра осветила фигуру, которую Джек не видел раньше. Она была вырезана из камня, детали были грубыми, но безошибочно узнаваемыми. По бокам идола проходили глубокие борозды, отдельные углубления обозначали зубы, а на месте глаз зияли глубокие дыры. Даже в колышущемся свете Джек разглядел в нем нечто, похожее на ребенка. Уродливого, ухмыляющегося ребенка.

Отец Джейкоб поднес идола к своему лицу.

– Мой господь, – прошептал он, – я приношу тебе эту жертву. Мой отец, Омега, мой путеводный свет, позволь мне почтить тебя кровью невинных. Сегодня и во веки веков. Позволь мне пролить кровь этого ребенка и оросить поля его жизнью, чтобы могло расти твое новое царство. Твоя воля и Старые Обычаи неразделимы.

Рука пастора вспыхнула огнем, заполнив помещение тусклым голубоватым сиянием, и тут Джек понял, что заблуждался насчет пола. Под ногами лежали не фрагменты старой глиняной посуды. Это были кости. Тысячи переломанных костей. Разбитые черепа и ребра возвышались горами вокруг алтаря.

Джек задрал голову к слабому ореолу света над ним и издал крик, пронзивший колышущиеся вокруг тени. Несколько лет назад он взывал бы к Богу или даже к своей матери. Когда его крики потонули в бушующем наверху хаосе, сердце у него оборвалось.

Услышать его было некому.

3

– Ты опоздала, сестра Тремли.

Имоджин стояла в дверях церкви и, подавляя рвотный рефлекс, наблюдала за ужасающей картиной, раскинувшейся перед ней. Шесть фигур, одетых в красное, стояли над своими павшими братьями, каждая держала нож. За ними прятались их сыновья и дочери в белом. Но пересчитав их, Имоджин почувствовала, будто у нее оборвалось сердце.

Она прочистила горло.

– Где мой внук? Где Джеки? – Имоджин вздрогнула от звука собственного голоса. Сухой, хриплый, полный отчаяния. Были времена, когда в этих стенах она управляла вниманием своих братьев и сестер. То были лучшие времена. Теперь она ощущала себя слабой, беспомощной и неуверенной в том, чем все закончится. В пистолете, из которого она не стреляла с детства, было шесть патронов. В глубине души она понимала, что их ей не хватит.

– Теперь он с нашим повелителем.

Одна из матерей шагнула вперед и подняла капюшон. Лаура Тремли смотрела на мать с тошнотворной ухмылкой. Белки ее глаз усеивали синие пятна, а кожу лица раскололи черные вены. Имоджин ахнула от отвращения.

– Боже мой, что он с тобой сделал, Лаура?

– Он открыл мне глаза, сестра Тремли. Показал путь к царству на земле. Он и тебе показал путь, но ты отвернулась от него, как жена Лота. Он не просто обратит тебя в соляной столп. Он надругается над твоей душой.

Остальные матери захихикали, и от этого хора злобных смешков у Имоджин волосы на руках встали дыбом. Лаура подняла жертвенный нож. Бледный свет, идущий сверху, высветил длинные шрамы на ее голых руках, старые раны от многочисленных кровавых церемоний Джейкоба.

Имоджин сделала шаг назад и подняла пистолет.

– Джеки в яме со своим отцом, и его кровь прольется ради всего этого мира. *Как и ваша*, – произнесла Лаура.

– Как и ваша, – вторили ей остальные пять матерей. Одна за другой они поворачивались и сталкивали своих детей в яму. Крик каждого ребенка разрывал тишину церкви, наполняя живот Имоджин свинцовым холодом страха. «Нет, Боже милостивый, нет, нет, нет...»

– Сегодня мы истекаем кровью ради нового мира, сестры.

Лаура резко направила острие ножа на Имоджин, но внимание той было сосредоточено на женщинах, стоящих у дыры в полу. Теперь, когда их дети оказались в яме, им больше не нужно было задерживаться в земной юдоли. Имоджин знала это кощунственное писание наизусть. Знала, что будет дальше, после принесения божеству жертв в качестве последнего причастия, и все же не могла отвести взгляд.

«Помни это, – прошептал отцовский голос. – Сохрани в памяти. Ради Джеки».

Одна за другой пять матерей, принесших Джейкобу потомство, подносили ножи к горлу и проливали свою кровь. Потоки вязкого черного масла хлынули из открытых ран, стекая по мантиям. Деревянный пол с шипением задымился под их рухнувшими телами.

Имоджин сделала глоток воздуха и поморщилась от едкого привкуса. От жары в помещении лицо заволок пар, сердце готово было выскочить от груди. Она крепко сжала револьвер и положила палец на спусковой крючок.

– Пожалуйста, не заставляй меня делать это, Лаура. Ради твоей матери, пожалуйста.

– Для меня моя мать мертва, – яростно выпалила Лаура. – Ты не более чем безбожная еретичка, пришедшая нарушить наше общение с единственным истинным богом. Но ты еще

можешь обрести спасение, еслипустишь себе кровь. Присоединяйся к нам, еретичка. Пусти себе кровь ради милости нашего господ.

Последующие события произошли для Имоджин Тремли слишком быстро. Позже, пытаясь пересказать их представителям власти, она обнаружила, что ее мысли размыты и искажены, словно скрыты слоем мутной воды.

Дочь бросилась на нее.

Откуда-то сзади Генри Прюитт и Гейдж Типтри окликнули ее по имени.

Лаура Тремли запнулась о труп брата Адамса и, взмахнув ножом, кубарем полетела вперед.

Имоджин вскрикнула, когда лезвие рассекло ей левую половину лица, повредив роговицу и навсегда ослепив на один глаз. Она рухнула на колени и зажала руками лицо, запаниковала от внезапного ощущения тепла и влаги на щеках. Откуда-то сверху раздался крик Роджера:

– Мэгги, Джерри, сюда, быстрее! Джини ранена!

– Вы все сгорите! – воскликнула Лаура, но Генри ударом приклада заставил ее замолчать. В следующую секунду он был уже рядом с Имоджин. Морщась, та посмотрела на него здоровым глазом. Он побледнел, кровь отхлынула у него от лица, и позднее Имоджин могла бы поклясться, что в ту ночь он постарел лет на десять. Как и все они.

Из дыры в полу эхом разнесся крик. Имоджин вскочила на ноги, зажимая одной рукой левую, пульсирующую болью половину лица. Между пальцев сочилась кровь. Она засунула отцовский пистолет за пояс грязных джинсов.

– Джини, подожди...

– Не обращай на меня внимания, Генри Прюитт. Наши дети там, внизу, с этим монстром. Нам нужно довести дело до конца.

И прежде чем ее успели остановить, Имоджин Тремли доковыляла до лестницы и стала спускаться во тьму Кэлвери-Хилла.

4

Отец Джейкоб поставил идола обратно на алтарь и пристально посмотрел на детей. Они упали в эту залу, как ангелы с небес, если такое место вообще существовало. Раньше он верил в него, но те дни и та ложь остались позади. Когда он шевельнулся, дети вздрогнули от страха. Они сбились в кучу, как грызуны, собравшись в единую извивающуюся сущность в попытке отпугнуть хищника.

Но он не хищник. Нет. В минуты душевного страдания, здесь, внизу, во тьме этой земной Голгофы, Джейкоб Мастерс сомневался в своей преданности и вере. Сомневался в откровениях, данных ему Священным Писанием, высеченным на этих древних стенах, шепотом бога, идущим изнутри.

«Господь мой, – вопрошал он, – почему кровь невинных? Почему не принести в жертву ягненка, оленя или другого лесного зверя»

И его господь говорил на множестве языков, языков чуждых и незнакомых. Дразнящее шипение пронизывало его разум, его сердце, проникало в душу, и он знал, что это правда: *Невинные – это звери, дитя мое. Они ничем не отличаются от агнцев из твоей книги лжи. Ни одно семя не прорастет без поддержки природы; поэтому земля тоже должна быть накормлена. Это – моя воля, как сказано в Старых Обычаях, начертанных на этих стенах.*

Джейкоб подошел к древней стене, стал водить грязными пальцами по символам, открывшимся ему в трудное время. Это Писание стало его новой Библией, утешавшей, когда он больше всего в этом нуждался. Другого пути нет. Он чувствовал это сердцем. Небеса могут находиться здесь, на земле, и они зародятся здесь, пустив корни в глотках этих шести невинных.

Конечно же, их будет больше. Крови этих детей будет недостаточно. Со временем дети Стауфорда будут кормить его господ. Они найдут искупление в бурлящей утробе того, кто не имеет имени.

Крики, донесшиеся сверху, спутали его мысли и отвлекли от медитаций. В полумраке хныкали дети.

Они пришли, слуга мой. Еретики пришли помешать нам построить рай на земле.

– Я остановлю их, – пробормотал он, уставившись на символы на стене. Ручейки черного греха потекли из уголков глаз, заливая ему лицо.

Нет, дитя мое. Не остановишь. Но я могу подготовить твоё тело. Могу подготовить твою душу. Отдашь ли ты мне себя? Умрешь ли ради меня?

Джейкоб Мастерс закрыл глаза и улыбнулся. Он произнес не колеблясь:

– Да. Возьми меня, господь мой.

В следующее мгновение пламя идола погасло и воцарилась тьма. Где-то в той бесформенной бездне дети слышали приглушенные крики своего похитителя, человека, поглощенного пустотой.

Глава четвертая

1

Стиснув зубы, чтобы сдержать волну боли, Имоджин спускалась во тьму. Она слышала голоса, будто отец Джейкоб разговаривал сам с собой, и его возгласы отдавались вокруг низким гулом. Помимо этих звуков до нее донеслись детские рыдания, закаляющие ее решимость, пока она погружалась во мрак.

– Я иду, дети. – Голос эхом разнесся по пещере. Болезненный и хриплый, он напомнил ей, насколько она устала и ослабла на самом деле. Последние несколько лет серьезно отразились на ней. Сколько из них она потратила впустую, живя в неволе? Думать об этом было невыносимо.

Теперь лишь дети имели значение.

– Бабуля Джини?

У нее екнуло сердце.

– Джеки? Это ты, детка?

Она посмотрела вниз, проследив взглядом за пеленой света, освещающей столетия земли, пыли и костей. У границ светлого круга стояли фигуры. Маленькие и хрупкие, с крошечными ручками и ножками, глубоко напуганные. Если б она задержала дыхание, то, наверное, услышала бы, как в груди у них мечется страх.

– Я иду, дорогой. Я уже рядом.

– Пожалуйста, быстрее, мисс Джини. Джеки ранен, а с отцом Джейкобом что-то случилось.

Малышка Стефани Грин. Имоджин где угодно узнала бы этот милый голосок.

– Я уже рядом, детки. Совсем близко.

Ее спуск замедляло то обстоятельство, что одну руку она прижимала к лицу, а другой хваталась за каждую перекладину лестницы. «Сперва один шаг, затем другой». Перед глазами плавали мерцающие цветные пятна, голова кружилась, скорее всего, из-за кровопотери. Имоджин сделала паузу, прислонившись лбом к ближайшей поперечине.

– Ты в порядке, Джини?

Имоджин подняла глаза и прищурилась от льющегося сверху света. Джерри, Роджер и Генри смотрели на нее, стоя у края ямы.

– Да, – выдохнула она. – Гейдж и Мэгги позаботятся о моей дочери?

Джерри кивнул.

– Да, мэм.

Генри тоже начал спускаться.

– Я прямо за тобой, Джини.

Имоджин оторвала лоб от перекладины. Тонкий металлический прут был скользким от ее крови. Перед глазами все плыло.

– Осторожней на ступеньках, – пробормотала она, пытаясь прогнать гулкий звон из ушей и говоря себе: «Продолжай спускаться. Ты почти на месте».

Несколько секунд спустя ноги Имоджин коснулись верхней поверхности земляной колонны, поднимающейся из темноты. Вниз вел ряд вырубленных ступеней, и она спешно стала спускаться в подземный храм. Оказавшись внизу, выпрямилась и почувствовала, как под ногами хрустнули пыльные кости безымянных жертв. Дети заползли в круг света и столпились вокруг, едва не повалив ее в своем отчаянном возбуждении. Все, кроме одного.

Имоджин стала всматриваться здоровым глазом во тьму и с трудом разглядела скорчившуюся фигуру Джека Тремли.

– Бабуля Джини, кажется, у меня сломана рука. С мамой все хорошо?

Имоджин нахмурилась.

– Да, дорогой. Она в порядке, и ты тоже. Руку мы тебе вылечим, милый. Дядя вынесет тебя наверх. А теперь, детки, давайте поднимайтесь по лестнице...

Из темноты раздался треск, потревожив вековую пыль. Дети вскрикнули и столпились у Имоджин за спиной, словно цыплята, ищущие защиты от грозы. В этом темном месте она была их матерью-наседкой, и что бы ни пряталось в тенях за границами света, оно должно было пройти через нее, чтобы добраться до них. Имоджин вытащила из-за пояса револьвер и дрожащей рукой направила его в сторону шума. Джек ахнул, когда она убрала руку от своей раны.

– Все в порядке, Джеки. Со мной все будет хорошо. У твоей бабули бывало и похуже.

– А, сестра Тремли. Мисс Имоджин. Джини.

От голоса Джейкоба у нее волосы на шее встали дыбом. Где-то за кругом света снова захрустели под чьими-то ногами кости. Она посмотрела вверх, увидела, что Генри и Джерри уже почти спустились в пещеру, и почувствовала некоторое облегчение. По крайней мере, ей не придется сталкиваться с этим ублюдком в одиночку.

– Тебе конец, Джейкоб. – Голос у нее был сухим, но властным, не выдающим слабость в голове и костях. – Ты не получишь этих детей. Я не позволю тебе.

– Ты никогда не была истинной верующей, дорогая. Я видел это в тебе с первого дня, когда ты привела свою дочь в церковь. Хотя это не помешало тебе оставить ее со мной. Она рассказала тебе, что я сделал с ней?

Имоджин с трудом сглотнула. В горле щелкнуло. «Не дай ему добраться до тебя, – прошептал отцовский голос. – Он пытается проникнуть тебе в голову».

– Ей не пришлось, Джейкоб. Все написано у нее на лице. В ее глазах.

Из темноты раздался смех Джейкоба. Дети собрались вокруг нее, еще крепче вцепились в Имоджин, будто ее могли отнять у них в любую секунду. Она разделяла их страх.

– Можно сказать, я кончил во имя нашего господ, сестра. Твой маленький ублюдок, Джеки, тому доказательство. Он рожден, чтобы быть вскрытым на нашем алтаре. Его кровь должна пролиться немедленно. И она прольется. Возможно, не сейчас, но скоро. Когда тебя не будет рядом, чтобы защитить его. Когда тебя не будет рядом, чтобы защитить моих маленьких агнцев.

Из темноты появился отец Джейкоб Мастерс. Его глаза светились, заливая пещеру болезненным голубым светом, отчего у Имоджин закрутило живот. По щекам у него сочились густые черные слезы, собирались у края подбородка и свисали нитями. Бледную кожу испещряли черные вены, отчего казалось, будто впалые щеки раздроблены на сотни кусочков.

– Я погряз в собственном грехе, Джини. Ты же знаешь, что очистить душу можно лишь через кровь. А закалить – лишь через огонь искупления. – Кончики его пальцев вспыхнули огнем, словно спички. Он жестом указал на символы. – Священное Писание нашего господ учит этим обрядам мертвых. Поищи в своем сердце и поймешь, что это правда. Только не говори, что пришла сюда не для того, чтобы пролить мою кровь и сжечь мою церковь дотла.

Имоджин не пришлось это делать. Джейкоб хорошо ее знал. На самом деле всех их хорошо знал. У него была эта способность. Способность заглядывать вглубь членов своей паствы, знать, что ими движет и за какие ниточки дергать. Имоджин было неведомо, всегда ли он обладал этой способностью, или это зверь из бездны дал ему такой дар. В любом случае Джейкоб воздействовал на нее своей волей, нашептывал ей, когда она была наиболее уязвима, после того как ее муж Стив погиб в автокатастрофе.

Джейкоб воспользовался ее слабостью, предложив отдать ему Лауру. Позволить ему делать все, что заблагорассудится, чтобы он принес жертву. И как добрый маленький агнец,

почувствовавший себя преданным богом, она сделала так, как он хотел. Во благо церкви. Ради обещания рая на земле. Ради ее нового бога.

Сожаление поселилось у нее в животе и горело там, прожигая в нем дыру. Оно не покинет ее до конца жизни. Имоджин знала, и, что еще хуже, Джейкоб тоже это знал.

– Детки, – произнесла она, понижая голос. – Мне нужно, чтобы вы закрыли глаза и зажали уши. Ты тоже, Джеки.

Она не стала их ждать. Дрожа, с сердцем, исполненным ненависти и сожаления, Имоджин подняла отцовский револьвер и нажала на спусковой крючок. Вспышка выстрела осветила пещеру подобно молнии, на мгновение отбросив от Джейкоба на стену тень, прежде чем он рухнул спиной на алтарь. Каменное изваяние погребенного бога вспыхнуло голубым пламенем.

– Джини! – закричал Генри, спрыгивая на пол. При приземлении он упал на колени и зашипел от боли. – Господи, девочка, что ты натворила?

Имоджин не обратила внимания на друга, его слова заглушил внезапный звон у нее в ушах. Пройдя вперед, она встала над истекающим кровью проповедником. Джейкоб Мастерс смотрел на нее своими бледно-голубыми глазами и ухмылялся.

– Кровь и огонь, – прорычал он. – Сегодня вы их получите, но со временем и я получу их. – Он коснулся бледным пальцем раны в груди, макнул кончик в кровь, поднес ко лбу и нарисовал на нем грубый символ. Раздалось шипение и густо запахло горелым мясом. – Еретики будут моими воротами. Смерть за жизнь. Так написано. – Джейкоб откинулся назад и усмехнулся себе под нос. – Какой я внизу, таким буду и сверху. Моя воля и Старые Обычаи неразделимы.

Имоджин Тремли подняла револьвер и стиснула зубы. Она выпустила еще одну пулю Джейкобу между глаз и продолжала стрелять, пока болезненный свет навсегда не покинул их. Даже когда у нее кончились патроны, она продолжала давить на спусковой крючок, ожидая, что ублюдок снова восстанет.

Она будет ожидать этого до конца своей жизни.

2

После того как детей вынесли из церкви, мужчины вернулись в яму, чтобы похоронить человека, который столь многое у них отнял. Они воспользовались инструментами, с помощью которых Джейкоб много лет назад прорыл путь в эту заброшенную пещеру. Несмотря на то что пастор лежал бездыханным трупом, Роджер, Генри, Джерри и Гейдж могли поклясться, что слышали, как он шепчет, проклиная их из-за невидимой завесы.

Они вырыли яму в полу пещеры, раскопав кости детей, которым повезло меньше, чем их собственным. Закончив, они похоронили Джейкоба Мастерса, положив его лицом вниз, чтоб он мог видеть ад.

Когда они вышли из церкви, солнце уже вставало. Мэгги и Имоджин сидели с детьми в тени тополей, растущих вдоль края прогалины. Шесть малюток свернулись клубочком в траве среди своих защитниц и крепко спали. Лаура Тремли сидела у ближайшего дерева, с привязанными к стволу руками. Она то приходила в сознание, то теряла его, бормоча на языках, которые никто не понимал и не хотел понимать.

Имоджин отхлебнула воды из фляжки и прижала к лицу окровавленную повязку. Она нуждалась в медицинской помощи, но таблетки, которые дала ей Мэгги, пока притупляли боль. Прислонившись головой к стволу тополя, она смотрела, как мужчины поджигают церковь.

Затем они встали в стороне и стали ждать, когда от Божьей церкви Святых Голосов не останется ничего, кроме кучи золы и потрескавшегося фундамента. Лишь когда пламя лизнуло небеса и завывли далекие пожарные сирены, Имоджин вздохнула с облегчением.

«Все кончено, – подумала она. – Слава богу, все кончено».

Насчет себя она была права.
Но для детей кошмар начнется лишь тридцать лет спустя.

Из дневника Имоджин Тремли (1)

1

Вечерний выпуск «Стауфорд Трибьюн»,

30 августа 1983 г.

ЖЕРТВАМИ СТАУФОРДСКОГО КУЛЬТА СМЕРТИ СТАЛИ 57 ЧЕЛОВЕК

СТАУФОРД, КЕНТУККИ – По заявлению местных властей, рано утром в понедельник были обнаружены тела 57 мужчин и женщин, очевидно, совершивших коллективное самоубийство.

Официальные лица подтвердили, что в понедельник, примерно в полседьмого утра, в службу 911 поступил звонок о пожаре в церкви возле Девилз-Крик-роуд. Около 7:05 утра сотрудники службы экстренной помощи прибыли на место происшествия, где тринадцать уцелевших после инцидента человек встретили их и привели к горящей церкви.

«Мы уже ничего не могли сделать, – сказал начальник пожарной охраны Дуг Стюарт. – В таком труднодоступном месте нам удалось лишь помешать огню перекинуться на деревья».

По словам начальника полиции Дэвида Белла из стауфордского управления, члены Божьей церкви Святых Голосов покончили с собой, предположительно во время религиозной церемонии.

«Мы все еще пытаемся разложить все по полочкам. Конечно, есть много вопросов, и потребуется время, чтобы разобраться во всем, – сказал шеф Белл. Позднее он добавил: – За двадцать лет службы я не видел ничего страшнее».

Власти не разглашают имена выживших и погибших, пока идет расследование. Офис коронера округа Уэйтли воздержался от комментариев.

2

Из «Лэндон Геральд»,

1 сентября 1983 г.

**РАССЛЕДОВАНИЕ СТАУФОРДСКИХ
САМОУБИЙСТВ ПРОДОЛЖАЕТСЯ**

СТАУФОРД, КЕНТУККИ – Местные власти продолжают собирать улики после массового самоубийства, произошедшего поздно вечером в воскресенье за пределами Стауфорда. Божья церковь Святых Голосов была известной религиозной общиной и располагалась на участке Национального леса Дэниела Буна, известном как Девилз-Крик.

По словам стауфордского комиссара Уоллеса Гетти, в настоящее время расследование сосредоточено на деятельности Джейкоба Мастерса, покойного настоятеля данной церкви. «Любой житель Стауфорда скажет вам, что Мастерс обладал даром красноречия, – сказал Гетти. – Я шокирован произошедшим, хотя и вовсе не удивлен». Когда Гетти попросили дать разъяснения, тот отказался от дальнейших комментариев.

Божья церковь Святых Голосов была основана в 1919 году Турмондом Мастерсом. Согласно записям, Джейкоб Мастерс стал хозяином церкви в 1957 году после смерти своего отца. Читатели «Геральд», возможно, помнят, что Джейкоб Мастерс был объектом государственного расследования в связи с обвинениями в жестоком обращении с детьми. На момент публикации расследование еще не завершено из-за отсутствия показаний очевидцев.

3

Из «Брейерсбург Бьюгл»,

27 марта 1985 г.

СТАУФОРДСКОЙ ШЕСТЕРКЕ ПРЕДОСТАВЛЕНО ОПЕКУНСТВО

СТАУФОРД, КЕНТУККИ – В четверг судья Томас Мерсер заявил, что опека над шестью несовершеннолетними, осиротевшими после трагического массового самоубийства 1983 года, будет предоставлена их бабушкам и

дедушкам. Принятое после нескольких месяцев обсуждения решение суда вызвало общественную критику.

«Суд уже высказался, – заявил адвокат одной семьи, Гленн Вулфард, после вынесения решения. – Последние несколько месяцев были тяжелыми для всех участников этого дела. Сейчас важно, чтобы мы оставили эту ужасную трагедию позади и позволили детям жить нормальной жизнью».

«Стауфордская шестерка» – прозвище, данное шестерым несовершеннолетним, спасенным в конце 1983 года после группового самоубийства в местной церкви, – стала предметом ожесточенной публичной битвы между государственными и местными властями. Реинтеграция «Стауфордской шестерки» в систему государственных школ продолжает вносить раскол в большую часть городского сообщества.

Как сообщила «Стауфорд Трибьюн», во время запланированной акции протеста в декабре прошлого года начальник полицейского управления Стауфорда Дэвид Белл заявил: «Мы не желаем, чтобы эти испорченные дети культивистов отравляли молодежь нашего города». На прошлой неделе Белл и другие протестующие представили в суд ходатайство, которое подписали более тысячи человек. После решения суда офис Белла воздержался от комментариев.

4

Из новостной группы Usenet alt.urbanlegends.ky,

13 июня 1995 г.

КТО-НИБУДЬ СЛЫШАЛ О ДЕВИЛЗ-КРИКЕ?

[Примечание: Первое упоминание об инциденте в Интернете. – Джини]

Пользователь alien-head22 пишет: «Эй, все, зацените. Моя мать только что рассказала мне про место рядом с Камберленд-Фолс. Называется Девилз-Крик-роуд. Раньше там стояла старая церковь. Какие-то деревенщины поклонялись в ней Сатане, а потом сожгли ее. Мать рассказала, что она с друзьями раньше ходила туда, устраивать вечеринки, и они видели там всякое странное дерьмо. Кто-нибудь из вас когда-нибудь слышал об этом?»

Пользователь BullsFan23 пишет: «Ага, я бывал там раньше. И тискал там твою мамашу».

Пользователь cowjot47 пишет: «Ну да, я слышал про это место. Отец рассказывал мне, как раньше они сдирали там с детей кожу, а части их тел подвешивали на деревья. Реально долбанутое дерьмо».

Пользователь meetwood-flack пишет: «А разве то место не рядом с Дог-Слотер-Крик? Слышал, там развешивали на деревьях куски собачьих тел, чтобы отгонять от территории людей».

Пользователь alien-head22 пишет: «Только что спросил мать, и она сказала, что это рядом с Дог-Слотер-Крик. Сказала, что они видели тени среди деревьев. Жуткие фигуры без лиц, прятаящиеся в лесу и наблюдавшие оттуда за людьми. Сказала, что у них были голубые глаза. Она и ее друзья слышали страшные голоса, шептавшие им, чтобы они убегали оттуда, как можно быстрее».

Пользователь BullsFan23 пишет: «Тебе сколько лет, alien-head22? Похоже, 12».

Пользователь alien-head22 пишет: «Я достаточно взрослый, чтобы трахнуть твою мамашу».

Пользователь meetwood-flack пишет: «Оооо, срач!»

5

Из «Лексингтон Куотерли»,

осенний выпуск, 1 октября, 2013

СТРАШИЛИЩЕ ИЗ СТАУФОРДА,

ШТ. КЕНТУККИ.

В это время года сотрудники «Лексингтон Куотерли» с удовольствием делятся своими любимыми местными байками и легендами. Некоторые из них стали темой прошлых изданий (см. наш осенний выпуск 2007 года о «Деревенском Звере» или нашу статью 2011 года о баре с привидениями Бобби Макки). Но в этом году мы решили обратиться к вам, наши читатели, чтобы вы рассказали свою любимую «страшилку». Один из вас прислал нам историю, которую мы считаем одной из самых жутких и тревожных, во многом благодаря тому, что она основана на реальных событиях. История была настолько зловещей, что наш главный редактор отказался ехать на локацию, чтобы написать редакционную статью на месте.

По совету нашего читателя мы покопались в истории маленького железнодорожного городка Стауфорд. Он находится примерно в восьмидесяти милях к югу от Лексингтона (если ехать по шоссе I-75), в двух шагах от границы с Теннесси. На первый взгляд, можно подумать, что жизнь в этом городе настолько же идиллическая, насколько старомодная. Тихое место, где семья может расти в относительном спокойствии и комфорте. Очевидно, раз

уж мы говорим здесь об этом, у Стауфорда есть и более темная сторона, о которой большинство жителей предпочли бы забыть.

Легенда о Страшилище из Девилз-Крика берет начало в 70-х годах, хотя некоторые говорят, что она еще древнее. Эксцентричный священник по имени Джейкоб Мастерс читал крайне необычные проповеди...

[СТРАНИЦА ВЫРВАНА]

...легенда о Девилз-Крике так и осталась легендой: «страшилкой», которую рассказывают, чтобы пугать молодежь. Она время от времени оживляется слухами про страшилище по имени Джейкоб Мастерс, чей призрак по-прежнему обитает в тех лесах. В нескольких найденных нами онлайн-обсуждениях рассказывается о темных фигурах в лесу и приглушенных голосах, доносящихся из-за деревьев. Обычно к этим историям прилагались зернистые фотографии, слишком мутные, чтоб на них можно было что-то разглядеть. Однако более любопытным, возможно, является то, что, несмотря на подробные исследования, мы не обнаружили никаких свежих упоминаний о тех, кто выжил в том огненном аду в 1983-м.

Шестерых спасшихся детей местные СМИ окрестили «Стауфордской шестеркой», поскольку закон запрещал разглашать их имена. Записи показывают, что, в конечном итоге, они были переданы под опеку своих бабушек и дедушек, бывших последователей Мастерса, которые ушли от него, когда все начало скатываться в безумие. Если не считать статьи в *«Стауфорд Трибьюн»*, посвященной пятилетней годовщине инцидента, все упоминания о выживших, казалось, канули в Лету. На момент написания этой статьи «Стауфордская шестерка» стала таким же фантомом, как и сам покойный преподобный Джейкоб Мастерс. Тридцать лет спустя остается одна загадка: *Что же случилось со «Стауфордской шестеркой»?*

Часть вторая Обряды перехода

Стауфорд, штат Кентукки

Наши дни

Глава пятая

1

Когда Джек Тремли проезжал мимо знака с надписью «СТАУФОРД – 20 МИЛЬ», его охватило смутное беспокойство. Он устал и нерничал, поскольку провел предыдущую ночь в неудобной постели безмянного придорожного мотеля через реку от Цинциннати. Как назывался тот городишко? Ньюпорт? Это не имело значения: Джек в свое время повидал достаточно убогих дыр и с первого взгляда понял, что Ньюпорт – одна из них.

Какая-то его часть не хотела оставаться там на ночь. До Стауфорда была еще пара часов езды по этому участку 75-го шоссе. И чем раньше он приедет, тем скорее сможет со всем покончить. Другая его часть, та, что иногда просыпалась с криком в темноте, хотела как можно дольше оттягивать неизбежное. Она вообще не хотела ехать в Стауфорд, и на то была причина.

Тревога росла с каждой милей. Прошлое преследовало его, подобно холодной тени. Джек полагал, что эта тень идет за ним по пятам всю жизнь, и чем старше становился, тем сильнее от нее несло холодом. Теперь, спустя почти двадцать лет с тех пор, как он покинул Стауфорд, Джек снова оказался здесь. Какая-то часть его гадала, горят ли еще те огни в пещере.

Настойчивый звонок вытеснил шум утреннего радиошоу. Улыбаясь, Джек нажал на руле кнопку «ответить».

– Да, моя дорогая?

– Что-то у тебя слишком бодрый голос для утра в будний день. Ты в порядке? Местные взяли тебя в заложники? Дважды шмыгни носом, если ты в беде.

Именно голоса его агента ему так не хватало этим утром. У Карли Доус был дар воодушевлять как своим жестким профессионализмом, так и скрытым сарказмом. Джек подозревал, что все дело в смеси того и другого.

– Не беспокойся, дорогая. Если местные раньше не могли меня ассимилировать, сомневаюсь, что у них это получится сейчас.

Карли усмехнулась, и салон наполнился треском статических помех.

– Серьезно, чувак, ты в порядке? Я только поэтому звоню. Понимаешь, не потому, что ты мой лучший клиент или типа того. Не потому, что у тебя через четыре дня выставка в галерее.

– А потому, что ты переживаешь за меня?

– Конечно. Потому что переживаю за тебя.

Джек улыбнулся. Переживала она очень своеобразно. Многие его знакомые высоко отзывались о мисс Доус, но предупреждали его, что она повернута на работе. Он не считал это плохим качеством и, по правде говоря, был благодарен за такой серьезный подход. Ей удалось протолкнуть его работы через многие двери, когда-то казавшиеся Джеку неприступными. Выставка в галерее на следующей неделе была одной из целой серии его многочисленных достижений, и свой успех он приписывал именно агенту.

– Итак, чувак, что у тебя на повестке дня?

– Встречаюсь с поверенным по поводу наследства, подписываю кое-какие документы, а потом иду посмотреть старую усадьбу. Я примерно в двадцати милях от города и приеду на несколько часов раньше. Не мог уснуть прошлой ночью.

– Снова ночные кошмары?

– Да, как обычно.

– Отлично, пусть снятся дальше. Не зря критики называют тебя новым Бексиньским. Не знаю, что творится в твоей больной башке, но что бы это ни было, оно продается. Уверен,

что не хочешь вернуться самолетом? Не понимаю, почему ты не смог слетать туда и обратно, прежде чем...

– Я же говорил тебе, Карли, я не люблю летать.

– Ах да, клаустрофобия. Извини. Что ж, держи меня в курсе. И было бы здорово, если б у тебя получилось вернуться в город пораньше. Чао!

Связь оборвалась, и ведущий радиошоу возобновил свою банальную болтовню. Джек откинулся назад, уперся руками в руль и зевнул. Сказывалось вчерашнее двенадцатичасовое нахождение за рулем. Недосып не шел ему на пользу.

Возможно, Карли права. На самолете он долетел бы вдвое быстрее, и за один день сделал бы все свои дела; но тогда у него не было бы времени на подготовку. Поехать в Стауфорд означало для него не просто побросать вещи в дорожную сумку. Джек не был дома больше двадцати лет и не чувствовал по этому поводу какой-либо вины, несмотря на то что не присутствовал на похоронах Бабули Джини.

Я сказала тебе уезжать, милый. Так что уезжай. Тебе здесь не место. Мы оба это понимаем.

Джек вздохнул. Она была права. Всегда была права. Колледж был его единственным способом выбраться из города. А несколько проданных картин и выставки в галереях привлекли к нему внимание, необходимое для начала карьеры. Двадцать лет спустя он направлялся на одну такую выставку, когда ему позвонил поверенный бабушки.

Подумав об этом сейчас, воспроизведя в памяти сообщение от секретарши Типтри, Джек почувствовал, как сердце у него учащенно забилося. Он очень любил свою бабушку, но мысль о ее похоронах была для него невыносима. Она всегда была рядом, всегда указывала правильный путь. Даже когда он находился за тысячу миль от нее, она все равно была рядом, проверяла его, как по часам, каждый уик-энд. Когда она звонила в последний раз, разговор был вполне обыденный и как всегда милый. Она спросила, не встретил ли он кого-нибудь, поскольку она не молодеет и хотела бы иметь правнука. Как всегда, он закатил глаза, отшутился и спросил, не забывает ли она принимать лекарства.

Они поболтали о погоде, поскольку разговоры о его картинах пугали их обоих. Эта тема всегда была закрыта, потому что, в отличие от его агента, друзей и поклонников, они оба знали, откуда исходит эта тьма. Они пережили ее, видели собственными глазами, и такого мрака хватило бы им еще на две жизни. А возможно, и на долгие.

И вот теперь Бабуля Джини умерла, стала очередной жертвой сердечного приступа.

На горизонте замаячил указатель «Съезд 29». На Джека накатило онемение, ослабив напряжение в груди. В голове раздался бабушкин голос. «Расслабься, – сказала она ему. – Теперь все хорошо. Ты дома, милый».

При этой мысли его охватил озноб, впился когтями ему в спину. И Джек осознал, что тень, преследовавшая его всю жизнь, на самом деле никуда не исчезла. Она все время была здесь, ждала его возвращения.

Он включил «поворотник» и направил «мазду» к съезду с шоссе.

– Я дома, Бабуля.

2

Он не сразу поехал туда, куда ему было нужно. Встреча с поверенным была назначена на одиннадцать. Последний раз он виделся с Чаком Типтри в школе, задолго до того, как этот заносчивый мелкий говнюк добавил к своему имени слово «эсквайр», так что пара лишних часов вряд ли могла бы что-то изменить.

Съехав с шоссе и двинувшись на восток, Джек обратил внимание, что вдоль старого бульвара Камберленд-Гэп-Паркуэй в его отсутствие разрослись, подобно грибку, различные кон-

торы. Самым заметным было огромное здание «Уолмарта», кипящее жизнью даже в девять утра буднего дня. Он с праздным любопытством разглядывал этого гиганта розничной торговли, пока его внимание не привлек ближайший рекламный щит. На проезжающий трафик смотрела, ухмыляясь, кудрявая брюнетка. Подняв одну руку с вытянутым мизинцем и указательным пальцем, она приветствовала всех гостей города знаком дьявольских рогов.

Z105.1 FM – РАДИО «РОГА»! ОСТАЕМСЯ ЗЛЫМИ ДЛЯ ВСЕХ СТАУФОРДСКИХ ГРЕШНИКОВ!

Надпись более мелким шрифтом гласила: «С участием Стиви Джи по утрам!»
«Рога»? Радиостанция, транслирующая рок? Дьявольские рога в этой части Библейского пояса?

Не бойся так сильно, мое бедное сердце.

Когда загорелся зеленый, Джек нажал кнопку радиостанции. Мгновенье спустя его гнали вперед звуки классического хита AC/DC, «Шоссе в Ад».

Он двигался вдоль бульвара на восток, скорее по памяти, чем по навигатору. Пейзаж был одновременно и чужим, и знакомым. За прошедшие двадцать лет местная экономика выросла, и, возможно, основной рост пришелся на последние пять из них. Несколько лет назад бабушка писала ему по «электронке», что округ наконец-то узаконил продажу алкоголя, против чего выступили старшие поколения Стауфорда и бутлегеры. Но в конце концов обещание прибыли за торговлю и туризм заставило старую гвардию замолчать. На пустых полях и неосвоенных участках его юности теперь располагались сетевые рестораны, заправочные станции и небольшие торговые павильоны.

Справа от него, на том, что осталось от старого торгового центра «Трейдмарк», висела ярко-синяя вывеска с надписью: «Единственный в Стауфорде винный супермаркет для водителей». Даже в этот утренний час торговля шла очень бойко. После всех тех лет, когда его друзья, переплачивая, покупали пиво в баре «Суоффордс» на Мур-Хилле, мысль о том, что можно просто зайти в магазин и купить упаковку пива из шести бутылок, казалась ему забавной и странной.

«Шоссе в Ад» плавно перетекла в открывающий рифф песни «Выпей за мой счет», и Джек рассмеялся над иронией. Он пообещал себе, что позже купит себе выпить, хотя бы ради поощрения местного гедонизма. И, проехав еще милю, наконец свернул с бульвара.

Слева, на вершине холма, стояли останки старой школы Лэйн-Кэмп, пустые и заброшенные в течение многих лет, как окаменевшее тело упавшего великана. Через дорогу лежало в спячке заросшее футбольное поле. Теперь, когда трибуны и ворота убрали, вновь прибывшим оно казалось всего лишь диким лугом. Но Джек помнил то время, когда каждый пятничный вечер трибуны здесь были забиты под завязку. Когда он в последний раз был в городе, то слышал о планах построить новую школу в другом районе округа, но не знал точно, где и когда. К тому времени он уже учился в колледже, и происходящее с Лэйн-Кэмп стало для него сродни чему-то из другой вселенной.

Добравшись до перекрестка у подножия холма, Джек нахмурился. Заправка Хёрли пустовала, судя по всему не работала, две ее колонки давно пересохли. Он постоял там какое-то время, вспоминая более веселые деньки. Мистер Хёрли – Джек никогда не знал имя старика – всегда угощал его пластинкой жвачки, когда Бабуля Джини заезжала сюда заправиться.

«Пять галлонов мне в бак», – говорила она, протягивая седовласому старику хрустящую «пятерку». Он убирал банкноту в карман и возвращался с пластинкой жвачки в руке.

«Для малыша, – говорил он и хитро подмигивал Джеку. – Сдачу оставьте себе, молодой человек».

Воспоминание вызвало у него улыбку. Он праздно задался вопросом, что случилось со старым добрым мистером Хёрли. «Возможно, его унес рак. Он всю жизнь заливал в баки бензин, а такое не идет на пользу здоровью». Джек вздохнул. «Мистер Позитив наносит новый удар», – сказал он себе и снялся с тормоза.

Он ехал вдоль Брайар-Клифф-авеню, по району своей юности. Некоторые дворы отличали желтизной, другие заросли, а знаменитый сад мистера Миллера превратился в клочок земли с высохшими сорняками.

– Раньше я помогал выдергивать те сорняки, – пробормотал Джек, не сознавая, что говорит вслух. Он полз на неизменной скорости пять миль в час. Вид мертвого участка земли перед старым домом мистера Миллера опечалил его больше, чем состояние района. Время не пощадило те места, которые когда-то любил Джек, и теперь он задался вопросом, как обстоят дела с остальной частью города.

В четверти мили от бывшего дома мистера Миллера Брайар-Клифф разветвлялась на две дороги, и Джек свернул на вторую, которая называлась Стэндард-авеню. Оттуда он увидел стоящий вдалеке на вершине холма дом Бабули Джини. Его было сложно не заметить. Об этом старом викторианском особняке когда-то говорил весь город. О нем даже написали статью в одном из журналов штата.

(«Джеки, сюда приезжал какой-то важный репортер из самого Франкфорта! Можешь проверить?»)

И он верил. Дом выделялся среди своих соседей – памятник классическому вкусу его прадеда. Бабуля Джини рассказывала, что после закрытия угольной шахты ее отец ездил по всей стране в поисках работы. И он так сильно полюбил Новую Англию, что захотел построить себе такой же дом, как у них. «Так он и сделал, – сказала она, указывая на кирпичный фундамент. – Каждый кирпич здесь положен моим отцом – то есть твоим прадедушкой Франклином, – и с тех пор наша семья живет здесь».

Джек свернул со Стэндард-авеню и направил «мазду» на холм, в сторону бабушкиного дома. Припарковал машину на подъездной дорожке и окинул особняк оценивающим взглядом. Белая виниловая обшивка покрылась тонким слоем грязи, а в кирпичном фундаменте появились небольшие трещины. Окна второго этажа, выходящие на подъездную дорожку, были покрыты пылью и птичьим пометом, а круглую веранду под ними устилали мертвые листья и засохшая скошенная трава. Одно из белых кресел-качалок лежало на боку.

Когда Джек завернул за угол и направился к ступеням крыльца, что-то привлекло его внимание.

На краях перил засохли густые подтеки красной краски. Налетевший прохладный ветерок закрутил листья у него под ногами, и от их шелеста у Джека по спине пробежал холодок.

– Какого хрена? – Он пошел по заросшей дорожке к перилам, гадая, не нанимала ли Бабуля Джини накануне своей кончины кого-то, чтобы покрасить дом. Сердце у него оборвалось, когда он увидел грубо разрисованную входную дверь.

– Черт тебя подери.

Оба передних окна были выбиты, занавески лениво колыхались на ветру, а на входной двери были небрежно выведены толстые красные буквы. В их начертании не было видно никаких художественных усилий, никакой стилистической грации, присущей настоящим граффити. Напротив, они были намалеваны в спешке, образуя шесть слов, от которых у него скрутило живот: **«ВОЗРАДУЙТЕСЬ! СТАРАЯ СУКА ГОРИТ В АДУ!»**

Джек стиснул зубы до боли в челюсти. Бабуля Джини много лет назад обещала ему, что упреки и угрозы прекратятся, но, конечно же, она солгала, чтобы он перестал беспокоиться. Тем не менее, он позвонил в стауфордское отделение полиции и попросил, чтобы кто-нибудь приглядывал за домом. Непохоже, чтобы это принесло какую-то пользу. «Видимо, не все здесь

изменилось», – подумал он, вытаскивая телефон из кармана. Он так увлеченно фотографировал следы вандализма, что не услышал, как сзади к нему приблизилась старуха.

– Это – частная собственность, молодой человек.

Джек испуганно обернулся. Пожилая дама окинула его взглядом, поджав губы и сжав руки в шишковатые кулаки. Джек не видел ее с тех пор, как уехал из города, но даже спустя все эти годы она по-прежнему собирала волосы в пучок, настолько тугий, что кожа на лбу казалась натянутой, а глаза – слегка выпученными. «Проблемы с щитовидкой», – как-то объяснила ему Бабуля Джини. Она много лет не упоминала миссис Маккормик, и когда Джек увидел ее, щеки у него покраснели от стыда. Он думал, что она давно уже умерла.

– Рут?

При звуке ее имени лицо старухи смягчилось. Она смотрела на него еще какое-то время, после чего подняла морщинистую руку к щеке.

– Джеки Тремли? Боже мой, это ты, дорогой? Это правда ты?

Он улыбнулся.

– Да, это я. Как поживаете?

Но Рут уже заплакала и подошла к нему с распростертыми руками. Она обняла его так крепко, как его уже много лет никто не обнимал. От нее пахло лавандой и нафталином. Некоторые вещи совсем не изменились.

3

– Думаю, это был сынок Ронни Корда, только не могу доказать. Я звонила начальнику полиции, но он ничего не сделал. Еще кофе?

Рут не стала ждать, когда он ответит. Взяла кофейник и снова наполнила кружку. Джек сделал большой глоток, наслаждаясь горечью черного напитка. Кухня Рут не поменялась с тех пор, как он был ребенком, за исключением того, что тогда все казалось гораздо крупнее. Пока Джек сидел за столом, ему казалось, что сам он увеличился в два раза по отношению ко всему. Стены были из тех же деревянных панелей начала 80-х, и Рут пользовалась все теми же вязаными салфетками под тарелки. Время для Рут остановилось, когда несколько лет назад умер ее муж. И дом просто стал местом, где она ждала того дня, когда сможет присоединиться к нему.

– Кто сейчас начальник полиции?

Рут вернулась на свое место.

– Сынок Дэвида Белла, Оззи. Ты с ним ходил в школу?

Джек глотнул кофе, чувствуя, как приятно обжигает горло.

– Ага, – вздохнул он. – С ним. Но друзьями мы не были.

Оззи Белл окончил учебу на пару лет раньше, а до этого его дважды оставляли на второй год. В школе поговаривали, что администрация позволила ему сдать экзамены, только чтобы избавиться от такого ученика. Но дурное семя, вроде Оззи, всегда пускает корни в наихудших местах. В свое время у Джека случались стычки с ним и его друзьями. Не улучшало ситуацию и то, что в школе Джека называли «безбожником и выпендренником». Новость о том, что мистер Белл стал начальником полиции Стауфорда, разрушила его надежды на подачу официального заявления о вандализме.

– Как бы то ни было, – продолжила Рут, – мне сказали, что пришлют кого-нибудь осмотреть повреждения, но это было два дня назад. Думаю, Оззи Белл еще пару ней просидит, ковыряясь в своей заднице, только это не мое дело.

Джек улыбнулся. Он не помнил, чтобы Рут раньше так сквернословила.

– Полагаю, это тоже не мое дело, но... – Рут замолчала, помешивая кофе чайной ложкой. – Ты планируешь навестить свою мать, пока находишься здесь?

Он уже открыл рот, но не нашелся с ответом. Когда ему позвонили из офиса Чака Типтри и сообщили о кончине бабушки, он собрал сумку, запрыгнул в машину и отправился в путь. Мысль о том, чтобы повидать мать в региональной больнице, ни разу не приходила ему в голову. И, по правде говоря, он не думал о ней уже несколько лет. Лаура Тремли была для него кошмаром, чудовищем из темного прошлого. И он предпочитал, чтобы она там и оставалась.

– Нет, – наконец произнес он. – Нет, я этого не планировал.

Рут кивнула.

– Думаю, это к лучшему. То, что случилось с вами, дети, это ужасно. Но Джини поступила с тобой правильно. Я знаю, она гордилась тобой и твоими достижениями. Хотя я тоже... – Она залилась краской. – Не пойми неправильно, Джеки, но я не могу смотреть на то, что ты рисуешь.

Он усмехнулся.

– Я не обижаюсь, Рут. Мне часто так говорят.

– Я рада, что ты можешь заниматься тем, что тебе нравится, и что есть люди, которым это тоже нравится. Большая редкость, когда выходец из Стауфорда добивается успеха. А еще есть такие люди, как та шлюха на радио, загрязняющая эфир своей мерзостью.

– Кто это?

– Разве ты не видел повсюду по дороге в город билборды, рекламирующие дьявольский промысел?

– А-а-а, – произнес он. – Стиви что-то там, верно?

– Это она, – яростно фыркнула Рут. – Каждое утро изо рта у нее льется одна грязь. Мы с другими дамами из Первой баптистской церкви пытаемся добиться закрытия этой радиостанции. Не понимаю, как ее вообще пустили в эфир. Весть мир летит в унитаз, как по мне. Сперва подвергается вандализму дом Джини, и начальник полиции ничего не хочет с этим делать, а потом у нас появляется эта блудница, по радио передающая для детей дьявольскую музыку...

Джек улыбнулся, решив промолчать. Он решил, что ему не стоит защищать музыкальные вкусы Стиви Джи, особенно в такое утро. Посмотрев на телефон, он понял, что ему нужно убить еще час.

– Рут, было здорово пообщаться с тобой, но я хотел бы до встречи с Чаком сходить на кладбище.

– Все хорошо, дорогой. Я тебе всегда рада. Спасибо, что посидел со мной и послушал мою болтовню.

Вместе они пересекли улицу и поднялись на холм к его машине. Прежде чем сесть за руль, Джек крепко обнял Рут и вручил ей свою визитку.

– Я пробуду в городе еще пару дней, – сказал он. – Если что-то потребует, позвони мне.

Рут взяла визитку.

– Джини вырастила хорошего человека, – сказала она. – Остановишься в ее доме? Думаю, теперь это и твой дом.

До своего приезда Джек планировал поселиться в местном отеле, но теперь взглянул на старый викторианский особняк. Что-то в этом доме манило его. Отчасти ему снова хотелось посетить комнаты своей юности, чтобы понять женщину, которая вырастила и выпестовала его. Старая усадьба Тремли была его последней и самой крепкой связью с ней. Почему-то казалось, что будет неправильно, если он остановится в другом месте.

– Возможно, – ответил он. – Днем вернусь, почию окна. Если тебе будет нужна компания, заходи в гости.

– Может, и зайду, Джеки. – Она встала на цыпочки и поцеловала его в щеку. – Передавай Чаки от меня привет.

Спустя несколько минут Джеки снова ехал по дороге в сторону бульвара. Стиви Джи пообещала час непрерывного рок-н-ролла, и когда из динамиков «мазды» зазвучал Мэрилин

Мэнсон, Джек добавил громкости так, что задрожали окна. «Посвящаю эту песню Рут», – мысленно произнес он и смеялся до самого кладбища Лэйн-Кэмп.

4

Территорию кладбища от старой церковной дороги отделял ряд кленов, покрывая тротуар одеялом из красных листьев. Джек поднялся по дорожке на холм, затем свернул на ближайшую церковную парковку. В ее конце стояли две машины. Их водители либо находились в церкви, либо где-то на склоне холма, отдавая дань уважения усопшим.

Какое-то время Джек сидел в машине, глядя, как облака катятся над головой в лучах позднего летнего солнца. Он терпеть не мог это время года в Кентукки. Дни тянулись бесконечно в густых миазмах жары, влажности и страданий. Ночи были не намного лучше, хотя прохлада делала их более-менее терпимыми. Воздух в этом месте то вздымался, то опадал, напоминая прерывистое дыхание умирающего, цепляющегося за жизнь.

Джек потянулся за солнцезащитными очками и заметил, что у него дрожат руки. Он находился в городе чуть больше часа и уже превратился в комок нервов.

«Как глупо, – сказал он себе. – Пока был в пути, ты даже не позволил себе погоревать». Все его мысли занимала дорога, поэтому он даже не подумал о том, что будет делать, оказавшись у бабушкиной могилы.

Бабушка. Могила. Эти два слова не вязались друг с другом. Джек откинулся на сиденье и закрыл глаза, слушая свое сердце и пытаясь замедлить его биение.

Он разговаривал с ней неделю назад. По телефону она казалась такой энергичной, такой живой, несмотря на возраст. И он вспомнил, как потом подумал, что она будет жить вечно. Одно время Имоджин Тремли была всем его миром, пока не отпустила создать свой собственный. Все, что он делал с тех пор, – каждый штрих карандаша, каждый мазок кисти – делалось ради того, чтобы она гордилась им.

Джек открыл глаза и посмотрел сквозь люк на крыше машины. Над ним пролетал реактивный самолет, оставляя за собой два расплывчатых белых следа.

– Возьми себя в руки, – прошептал он в пустоту. – Жизнь идет своим чередом, и ты должен двигаться дальше.

Спустя годы мудрые слова Бабули Джини продолжали жить.

Вздыхнув, он выбрался из машины. Семейный участок Тремли находился на другой стороне холма, за белым мраморным мавзолеем. Ему никогда не нравилось это старое строение. Когда Имоджин приходила возложить цветы на могилу мужа, Джек всегда держался в стороне. Этот мавзолей слишком сильно напоминал ему фильм ужасов из юности.

Дальше, вниз по склону, над одной из могил стояла, скрестив руки на груди, худощавая блондинка в красной футболке и джинсах. Джек наблюдал за ней несколько секунд, после чего, одернув себя, перевел взгляд на семейный участок у своих ног.

Два ряда могил, одна из которых была свежей и принадлежала бабушке. Гранитное надгробие обрамляли букеты цветов, придавая яркий акцент однообразно серому в остальном мемориалу. Бабуля Джини оценила бы эту деталь. Джек встал рядом с прямоугольником свежей земли и, собравшись с силами, посмотрел на него.

МАРТА ИМОДЖИН ТРЕМЛИ

ЛЮБИМАЯ ЖЕНА И БАБУШКА

ET QUOD EST SUPERIUS EST SICUT QUOD EST INFERIUS³

Под латынью был высечен ряд символов. Джек проспал большую часть курса античности и понятия не имел, что означали эти слова. И таких символов никогда раньше не видел. Сама же Бабуля знала в них толк. Она всегда носила браслет с тремя серебряными подвесками – ее «талисманами удачи», как она говорила. И на каждой были написаны похожие витиеватые руны, но Джек никогда не осмеливался спросить, что они значат.

Улыбнувшись, он опустил на колени у края могилы и тихо произнес:

– Я скучаю по тебе. Ты всегда знала, что лучше. – Он провел пальцами по мягкой земле. – Прости, что меня не было рядом, когда ты упокоилась. Надеюсь, ты простишь меня. Надеюсь, ты поймешь.

Оставив на земле отпечаток ладони, он поднялся на ноги. Вытер слезы с глаз и поцеловал край мраморного надгробия.

– Я приду попрощаться перед тем, как покину этот город навсегда. Я люблю тебя, бабуля.

Он уже собирался вернуться к машине, когда у него возникла идея. «На потом», – сказал он себе, нащупал в кармане телефон и сделал снимок надгробия. В этот момент мимо проходила молодая женщина, которую он заметил ранее. Коротко кивнув ему, она задержалась, чтобы взглянуть на надгробие.

– Как вверх, так и вниз.

Джек опустил телефон и повернулся.

– Простите?

Блондинка бросила на него пустой взгляд, отрешенное выражение ее лица заставило его покраснеть. Это был взгляд учительницы начальной школы, совершенно вымотанной к концу дня. «Почему ты ничего не замечаешь? – как бы вопрошал он. Как ты можешь быть таким несообразительным?»

Блондинка подняла одну руку, указывая вверх. А другой указала вниз.

– Как вверх, – повторила она, – так и вниз. – Затем указала на плиту: – Вот что там написано.

Джек растерянно уставился на нее. Холод ее взгляда пробудил какое-то воспоминание, и его посетило чувство дежавю.

– Вы...

В руке у него зазвонил телефон. «Вы знали мою бабушку?» – хотел спросить Джек. Но слова застряли в горле, пока он возился с устройством, отключая будильник, который настроил для себя. У него было пятнадцать минут, чтобы добраться до офиса Чака Типтри в центре города.

– Простите, – пробормотал он, но когда оторвал глаза от экрана, блондинка была уже на середине склона. – Хм.

³ Как вверх, так и вниз (лат.).

Убрав телефон в карман, Джек снова посмотрел на бабушкино надгробие. «Как вверху, так и внизу». Он задался вопросом, правду ли сказала незнакомка или какую-то чушь. С другой стороны, он предположил, что в таком странном обмене репликами должна быть хотя бы доля правды. Бабуля Джини всегда говорила, что знание зачастую приходит, обретая странные формы.

– Как яблоко от яблони, – прошептал он. – Как вверху, так и внизу. Одна тайна порождает другую.

Озадаченный, Джек вернулся на парковку. Одна из машин исчезла. На ее месте лежал белый полиэтиленовый пакет. Нахмурившись, Джек покачал головой и забрался в свою машину.

Когда он уезжал, на кладбище налетел теплый ветерок. Прошелестев сквозь деревья, он погнал маленький пакет по асфальту. Содержимое рассыпалось. Обертки от фастфуда и конфет, пустой стаканчик и другой мусор разлетелись по парковке – в том числе использованный аэрозольный баллончик с красной краской.

Глава шестая

1

Джек едва не опоздал на встречу. Прошло уже двадцать лет, и за это время перекресток Ист-Мейсон-стрит и Норт-Депо-стрит захватило чудовище из бетона и арматуры. Это массивное сооружение, получившее название Мемориальный мост Тома Тирстона, переправляло путешественников через речку Лэйн-Кэмп-Крик на улицу Норт-Кентукки-стрит, превратившуюся в проезжую часть с односторонним движением.

Сбитый с толку, как и сам Джек, GPS-навигатор издавал строгие директивы, требуя, чтобы он немедленно развернулся на 180 градусов. Тихо выругавшись себе под нос, Джек выключил устройство, уверенный, что сможет самостоятельно найти офис Чака. Насколько сильно могла измениться Мэйн-стрит за двадцать лет?

Не так чтобы очень, как выяснил он. Объехав квартал, где раньше находился Первый национальный, Джек обнаружил, что в его отсутствие банк, выбранный бабушкой, поглотил более крупный корпоративный. Сама Мэйн-стрит не пустовала, как он ожидал. Ряды парковочных мест были заняты машинами и грузовиками, чьи хозяева спешили по тротуарам, не обращая внимания на чужака среди них. Стауфорд вырос, а может, всегда был таким, просто Джек не помнил этого. В любом случае его ошеломили эти признаки жизни и настолько захватили воспоминания, что он не заметил, как загорелся зеленый. Кто-то просигналил, и он повернул налево.

Джек снова обогнул квартал, на этот раз проехав вдоль всей Кентукки-стрит до точки, где та соединялась с южным концом Мэйн-стрит. Воспользовавшись возможностью, он вернулся на главную улицу, чтобы увидеть город во всей его современной красе.

За годы его отсутствия мэрию реконструировали. Своими белыми колоннами и куполообразной крышей она уже мало напоминала прежнее офисное здание. Что-то подобное Джек видел в Капитолии штата. Однажды он стал свидетелем собрания Ку-клукс-клана на крыльце здания. Сидя на заднем сиденье зеленого «кадиллака» Имоджин, он спросил ее, почему все те люди одеты как призраки. Она посмотрела на него в зеркало заднего вида и ответила: «Они – расисты, милый».

«Бабуль, а что такое „расисты“?»

Она ненадолго задумалась, но ответ пришел к ней так же легко.

«Расисты – это трусы. Они так одеваются, чтобы люди не видели их лиц».

«Значит, они – бояхи?»

«Да, *тупые* бояхи».

Спустя десятилетия, стоя в пробке, Джек повернулся и увидел, что в старом муниципальном здании через дорогу теперь находится стауфордская прачечная. Маленькая вывеска в окне гласила, что они также покупают золото за наличные. Такое соседство не на шутку развеселило его, и он смеялся почти все то время, пока стоял в пробке.

Офис Чака Типтри находился через дорогу от квадратного кирпичного дома, где раньше была аптека Хаффингтона, а сейчас там располагалась небольшая кофейня. Через квартал, там, где раньше находился универмаг «Ронс», появились бар и ресторан под названием «Дэвлинс-он-Мэйн». Джек припарковал машину у тротуара и вздохнул. Город сильно изменился. Новое поколение выросло на костях старого. Эти остоны никуда не делись, но их населяли существа нового типа. Время в Стауфорде, наконец, сдвинулось с мертвой точки – когда-то Джек считал такое невозможным.

Джек посмотрел на себя в зеркало заднего вида. Неужели он тоже сильно изменился? Он стал внимательно разглядывать морщины, намеки на седину, темные возрастные пятна на щеках и лбу. Мужчина в зеркале сильно отличался от мальчика, который бродил по этим улицам в Хеллоуин или смотрел ежегодный парад с рожком мороженого в руке. Но где-то в глубине его глаз еще теплилась искорка молодости. Там, где его по-прежнему преследовали кошмарные сны и тьма наполняла легкие мерзким затхлым воздухом неисчислимых веков. Тот ребенок все еще жил внутри Джека, и он кричал.

Жара облаком окутала лицо, лишив способности дышать. Джек бросился на улицу за глотком свежего воздуха. Почувствовав аромат жареного кофе из заведения через дорогу, он пожалел, что не успел выпить чашку перед встречей.

– Джек?

Он закрыл за собой дверь и поднял глаза. В дверях офиса стоял пузатый мужчина с коротко стриженными седоватыми волосами и такой же бородкой. Пухлые ярко-красные щеки покрывали бусины пота. Джек где угодно узнал бы эту гадкую ухмылку.

– Чаки?

– Джеки, тощий ты сукин сын! Заходи.

Чак Типтри выбежал к Джеку на тротуар и крепко обнял. Джек попытался похлопать старого друга по спине и слегка поморщился, почувствовав влажность его потной рубашки.

– Черт возьми, мужик, как давно это было? Пятнадцать лет назад? Двадцать?

– Двадцать в этом месяце. – Джек выдавил из себя улыбку. – Как ты?

Чак кивнул, жестом приглашая в свой офис.

– Неплохо, мужик. Живу, сводя концы с концами. Как обычно. – После слов Чаки повисла тишина. Джек отсутствовал так долго, что не знал, что подразумевает под собой фраза «как обычно». Типтри откашлялся, его пухлые щеки внезапно побледнели.

– Как бы то ни было, ты проделал долгий путь, чтобы встретиться со мной, стариком. Заходите в мой офис, мистер Тремли.

2

– Воды со льдом?

Секретарша Чака, Дайан, просунула голову в открытую дверь переговорной. Ее иссохшие щеки покраснели, а от пышной прически из-за жары и пота почти ничего не осталось. Она посмотрела на него сверху вниз широко раскрытыми желтоватыми глазами, обмахиваясь утренним выпуском «Стауфорд Трибьюн».

– Да, пожалуйста.

– Извини, дружище. – Чак вошел вслед за секретаршей и бросил на стол коробку с бумагами. – Кондиционер сдох пару дней назад, а ремонтник появится здесь только после полудня. Так что...

Он замолк, выскользнув из комнаты. Мгновение спустя Чак вернулся с портативным настольным вентилятором. Теплый затхлый воздух ударил Джеку в лицо.

– Ну вот, – сказал Чак, тяжело дыша. Он сел напротив Джека, и Дайан принесла два высоких стакана воды со льдом.

– Только из кулера, – сказала она. – Держите.

Чак кивнул.

– Спасибо, дорогая.

– Не за что, мистер Типтри. – Дайан повернулась к двери, но прежде чем уйти, положила руку Джеку на плечо. – Сочувствую вашей утрате, мистер Тремли.

Он натянуто улыбнулся ей в ответ.

– Спасибо. – По выражению сострадания на ее морщинистом лице он понял, что улыбка получилась неправдоподобной. Она крепко сжала своими артритными пальцами ему плечо в знак соболезнования, после чего покинула комнату. Как только она закрыла за собой дверь, Джек потянулся за стаканом и принялся жадно пить.

– Готов поспорить, ты уже забыл про эти жаркие сентябрьские деньки, а?

Джек сделал последний глоток и вытер рот.

– В смысле?

– Я к тому, что ты живешь в Новой Англии все эти годы, и сколько у вас длится лето?

Три дня?

Джек рассмеялся.

– Ну, не совсем так. Тебе стоит как-нибудь приехать в Нью-Йорк в разгар летней жары.

Улыбаясь, Чак откинулся назад и посмотрел на стоящую между ними коробку с бумагами.

– Так что ты там говорил? Кто-то разгромил дом Джини?

Джек кивнул, вытащил телефон и показал ему фото. Щеки Чака расцвели новыми красными пятнами.

– Ты уже заявил в полицию?

– Не пришлось, – ответил Джек, убирая телефон в карман. – Рут Маккормик сказала мне, что пару дней назад уже звонила в полицейский участок и сообщила о происшествии. Думает, это мог быть сынок Ронни Корда. Кстати, она передавала тебе привет.

Чак вздохнул.

– Если это тот мелкий говнюк, сынок Ронни, готов поспорить на деньги, что Оззи Белл ни черта с этим не сделает. Эти кроманьонцы не любят выносить сор из избы. Как бы то ни было, я знаю одного хорошего стекольщика. Могу потом позвонить ему, если хочешь.

– Было бы неплохо, – сказал Джек. – Спасибо тебе.

Чак отмахнулся.

– Забудь, – произнес он, распаковывая несколько зеленых папок, скрепленных резиновыми кольцами. – Полагаю, нам следует приступить к делу?

– Согласен.

Чак Типтри без лишней помпы рассказал о деталях завещания Имоджин Тремли. С друзьями он был весел и игрив, но, когда дело касалось юридических вопросов, вел себя исключительно профессионально. И эту его черту Джек ценил сейчас больше, чем когда-либо. Поскольку супруг Имоджин Тремли умер, а единственный ребенок был помещен в психиатрическое отделение Баптистской региональной больницы, ее имущественными делами будет заниматься некий Чарльз Типтри, *эсквайр*, которого она назвала своим душеприказчиком.

– Я имел возможность несколько раз встретиться с твоей бабушкой до ее кончины. Она считала тебя своим единственным наследником, Джеки. Во всяком случае, единственным, кто был для нее важен. Небольшая часть ее поместья будет передана в качестве пожертвования стауфордскому Пожарному обществу за то, что в свое время они спасли сарай ее отца. Еще необходимо собрать и оплатить кое-какие счета. За вычетом государственных налогов и сборов, а также моего гонорара – который является номинальным – и при условии, что никто не появится с неожиданной претензией, я бы сказал, что ты получаешь неплохое подспорье, с которым можно уйти на пенсию. Все документы, по-моему, в порядке. – Чак вытащил из папки какой-то листок и придвинул его к Джеку. – Как только подпишешь, мы сможем приступить к работе, и примерно через полгода получишь чек. Все просто как дважды два.

Джек просмотрел документ, в котором были перечислены имущественные активы, налоги и гонорар Чака, который, как обнаружил Джек, действительно был весьма символическим. И подспорье, о котором говорил его друг, было более чем достаточным, чтобы он мог уйти на пенсию. В общей сложности, Бабуля Джини оставила ему почти два миллиона долла-

ров. Как художник Джек был гораздо успешнее, чем большинство его коллег, и определенно не должен был войти в историю как один из голодающих гениев своего дела, но от чистой суммы на листке бумаги его сердце екнуло. Он не знал, что у Бабули Джини есть такие деньги.

– Нужно также обсудить вопрос касаясь ее дома.

Джек поднял глаза, когда Чак допил воду из своего стакана.

– Прости, что?

– Ее дом является частью объявленной ценности. Это немного по сравнению с остальными реализованными активами, но...

Слова Чака растворились в фоновом гудении вращающегося вентилятора. Джек закрыл глаза и вздохнул, пытаясь сдержать бурю эмоций, бушующую внутри. Он подозревал, что она оставит ему дом – в конце концов, это было его правом по рождению. Семейная реликвия высшей степени, которую его дед построил собственными руками. Однако в то же время он задавался вопросом, как, черт возьми, сможет присматривать за таким домом. Большую часть своего времени Джек либо работал над картинами, либо говорил о них, либо выставлял их в галереях, либо спал и видел кошмары, питающие их. Уход за домом был за пределами его возможностей, тем более за таким, который находится за тысячу миль.

Чак прочистил горло.

– Джек? Ты еще со мной?

– Что? – воскликнул Джек, ошеломленный звуком собственного голоса. – Прости, я... пока в голове не укладывается.

– Все в порядке, Джек. Я понимаю. Такое не просто усвоить, поверь мне. Думаешь про деньги или про дом?

– И про то, и про другое, – признался Джек. – Я понятия не имел, что у бабушки была такая заначка. А этот дом... – Он взволнованно всплеснул руками. – Я не могу приезжать сюда всякий раз, когда возникает проблема, понимаешь?

Чак кивнул.

– Понимаю. С деньгами все просто. Твоя бабушка хорошо вложила. Большая их часть принадлежала ее отцу, и он передал их ей, а теперь она передает их тебе. Можешь распоряжаться ими на свое усмотрение. Что касается дома, там все сложнее. По закону ты волен делать с ним все, что хочешь. В завещании не сказано, что ты не можешь продать дом... – Он встретился взглядом с Джеком. – Но мы оба знаем, что Джини это не понравилось бы. Дом и земля на протяжении многих поколений принадлежали вашей семье.

– Сейчас ты говоришь, как она, – пробормотал Джек.

– Знаю, – сказал Чак. – Я – душеприказчик, не забыл? Это – моя работа. В любом случае, я уверен, что такая важная птица, как ты, сможет что-нибудь придумать. Возможно, отремонтируешь его, назовешь летней дачей.

– Ты бы стал проводить здесь лето?

Чак жестом указал на свою переговорную, на вращающийся вентилятор, на стоящие вдоль стен штабеля коробок с папками.

– Малыш, я живу здесь каждый день. Все это дерьмо – моя жизнь!

Они рассмеялись, но веселое настроение быстро испарилось, уступив место низкому гудению вентилятора, нарушающему повисшую между ними тишину. Чак забарабанил пальцами по столу, что-то бормоча себе под нос. Наконец, хлопнул ладонью по столу, вырвав Джека из задумчивости.

– Чуть не забыл. Есть еще одно.

Порывшись в коробке с документами, Чак выудил маленькую деревянную шкатулку и придвинул через весь стол к клиенту.

Джек взял ее в руку. Дерево было отполировано до блеска. Дрожащими руками открыл крышку и нахмурился, увидев содержимое.

Внутри на красном бархате лежал старый металлический ключ, поверхность которого потемнела от времени. Джек никогда раньше его не видел и не имел ни малейшего представления, что он отпирает.

– Что-то еще с ним было?

Чак был занят тем, что убирал некоторые папки обратно в коробку. Прервавшись, он покачал головой.

– Она дала мне только это, мужик. Я думал, ты знаешь, от чего он.

Джек вздохнул.

– Нет, не знаю. – Он покрутил ключ в руках, оценивая его вес. Металлический стержень был толстым, зубцы покрывала замысловатая гравировка, на которую у автора ушел наверняка не один день, а закругленный конец был гладко отполирован. «Такие уже не делают», – подумал Джек.

Чак Типтри закрыл шкатулку и положил пухлые руки на стол.

– Слушай, есть хочешь? Уже почти обед, и я умираю от голода. Бумаги можешь подписать потом. Давай перекусим.

Джек не думал о еде с тех пор, как покинул дом Рут, но теперь при этой мысли его желудок недовольно заурчал.

– Да, раз ты об этом заговорил. Та старая бургерная еще работает?

– Дружище, – ухмыльнулся Чак. – Идем, я угощаю.

3

Чак вызвался сам сесть за руль, за что Джек был ему благодарен. Он охотно признал поражение перед переменами, вызванными временем, и, будучи пассажиром, впервые за день получил возможность осмотреть достопримечательности.

Хотя стауфордская Мэйн-стрит за последние годы претерпела реконструкцию, Джек был рад обнаружить, что некоторые из расположенных на ней заведений совершенно не изменились. Зеленовато-голубая водонапорная башня, смотрящая на город с холма Гордон-Хилл, все еще стояла на месте, а витиеватая красная надпись на ней возвещала «Стауфорд приветствует вас».

Между зданиями над Мэйн-стрит были растянуты транспаранты, объявляющие о предстоящем конкурсе красоты «Мисс Стауфорд», а также о датах проведения осеннего городского фестиваля. Джек ничего не заметил бы, если б Чак не обратил на них его внимание.

– Ты не *поверишь*, сколько они хотят брать за рекламу в программе фестиваля.

Повернув с Мэйн-стрит обратно на Кентукки-авеню, они направились в южный конец города. «Пиггли-Виггли»⁴ больше не работал, его место занял огромный строительный магазин. Однако местная пиццерия все еще была открыта, и вид ее приглушенных оранжевых букв на окнах вызвал у Джека воспоминания о первом свидании с девушкой по имени Меган Брайарсон. В конце вечера они неловко целовались, изо рта у обоих пахло чесноком. А на следующей неделе в школе они вели себя как незнакомцы. Джек почувствовал укол сожаления по этому поводу и праздно задался вопросом, чем сейчас занимается Меган. «Надеюсь, она счастлива», – сказал он себе.

Через полмили Чак свернул направо на 18-ю улицу. Джек вытянул шею, чтобы окинуть взглядом стоящий на углу огромный храм из асфальта и бетона, где расположилась «Уолгринс»⁵.

⁴ Американская сеть супермаркетов.

⁵ Крупнейшая аптечная сеть в США.

– Раньше там был продуктовый киоск, – сказал он. – Бабуля Джини ходила туда за покупками каждую неделю.

– Много изменилось, братан. Обычно такое происходит, когда удираешь в большой город, чтобы стать важной птицей. – Чак произнес это с улыбкой, но для Джека это был удар под дых. Он испытывал сильное чувство вины, которое считал иррациональным, но угрызение совести засело в его груди, как раскаленный кусок свинца. Он думал о друзьях, которых знал, об обещаниях поддерживать связь, об узах, которые, как ему казалось, никогда не разорвутся – и все это он променял на стремление уехать, покорить мир, превратить свою боль в то, что смог бы продать.

Джек Тремли покинул Стауфорд, чтобы стать чем-то большим, чем грязный городской секрет. Возможно, другие справились с тем наследием по-своему, но не он. Ему пришлось уехать, отправиться куда-то, где его никто не знает, и стать тем, кем он хотел.

Выполнив свою задачу, он вернулся и обнаружил, что мир, который он когда-то знал, изменился и продолжил жить без него. И как он смеет считать, что ему даровано право на что-то другое? *Время не остановилось с твоим уходом, дорогой. Ты же не ожидал, что так будет? Это же тщеславие.*

Слова Бабули Джини снова звучали в голове, ведя его через очередной духовный кризис. Он всегда был рад их поддержке и хватался за них, как ребенок за мягкое одеяло.

– А вот и оно, дружище. – Голос Чака вырвал его из задумчивости, и, когда они свернули с дороги на переполненную парковку, Джек отвел глаза от приборной панели и увидел небольшое приземистое здание с большим навесом, простирающимся на половину длины территории. Машины стояли под ним, как телята, сосущие вымя матери.

– Одна из немногих причин, по которым хочется съехать с 75-го шоссе.

Джек улыбнулся.

– Это твое профессиональное мнение?

Они нашли место в дальнем конце стоянки и припарковались. Чак выключил двигатель и усмехнулся.

– Как твой адвокат, я настоятельно рекомендую.

Стауфордская бургерная являлась символом города. Открытая летом 1956 года в рамках партнерства братьев Уилли и Дональда Честейнов, она заработала себе репутацию заведения с лучшими гамбургерами и чили в регионе. Джек открыл окно и сделал глубокий вдох. Аромат гриля и звуки кантри витали вокруг, возвращая Джека в прежние, более простые времена. Его желудок заурчал от предвкушения.

– Боже, как же я скучал по этому месту.

– И не говори. Оно мне снится, хоть я и живу здесь. Не менялось с тех пор, как ты уехал, и, наверное, не изменится еще долго после того, как нас не станет. Я возьму себе бургер «Дикси». А ты?

– Я тоже, – сказал Джек. – И картошку фри. А еще рутбир.

Чак подал знак официантке, и мгновение спустя к нему подошла худощавая блондинка с ручкой и блокнотом в руке.

– Привет, Сьюзан, – поздоровался Чак. – Ты не поверишь, кто сегодня со мной.

Джек поднял глаза и внимательно посмотрел на женщину. С тех пор, как он видел ее раньше на кладбище, она успела переодеться. Но эти светлые, рассыпавшиеся по плечам волосы, холодный взгляд и веселые ямочки на щеках нельзя было спутать ни с чем.

Сьюзан Прюитт наклонилась к открытому окну и ухмыльнулась.

– Джеки Тремли, собственной персоной. – Она протянула руку, и Джек пожал ее, заметив на запястье круглую татуировку. – Ты не сильно изменился.

– Спасибо. Рад снова тебя видеть, – ошеломленно произнес он. – Имею в виду сегодняшнее утро.

Она улыбнулась, хотя ее глаза говорили другое, и он на мгновение испугался, что их взгляд иссушит его. Тот кипел безмолвной яростью – такой бывает у рассерженных матерей, не желающих устраивать сцены. *Больше ни слова*, – будто говорил этот взгляд. *А не то – пеняй на себя*.

– Приношу свои соболезнования, Джеки. Твоя бабушка была хорошей женщиной. – Сюзан щелкнула ручкой. – Итак, что вам принести, мальчики?

Они сделали заказы, и она ушла, не сказав ни слова. Когда Сюзан удалилась, Чак пожал плечами.

– Что это было?

Джек проследил, как она оставила заказ у окошка кухни и направилась к ржавому пикапу «форд». Они с Сюзан никогда не были близки, разве что только в глубоком детстве. После того происшествия в лесу они отделились друг от друга. Сюзан росла спокойной и волевой, чем заслужила уважение у сверстников. Большинство детей всегда вели себя, как мыши, боялись, что их заметят и выделяют из общего числа. Но только не Сюзан. Она была полной противоположностью, одиночкой, которая выделялась тем, что вообще ничем не выделялась. Куда бы ни шла, она всегда оставалась одна.

– Не знаю, – наконец ответил Джек. – Наверно, ничего.

Хотя он не был в этом так уверен и не понимал почему. Наблюдая, как она принимает очередной заказ, Джек вспомнил утро. «Одна тайна порождает другую».

4

Пока Джек и Чак ждали свою еду, на другой стороне улицы, в спартанском офисе завуча стауфордской школы Дэйва Майерса, раскрывалась еще одна тайна.

– Мистер Тейт. – На лбе у него вздулась синеватая вена, похожая на зарывшегося в кожу червя. – Вы готовы рассказать мне, о чем, черт возьми, думали?

Райли Тейт сидел на раскаленном сиденье стула напротив мистера Майерса, ковыряя грубо накрашенный ноготь большого пальца. Если честно, Райли сам пытался найти ответ на этот вопрос. Он нахмурился, глядя на грязь на своих рваных джинсах.

– Мистер Тейт?

Пятнадцатилетний парень поднял глаза, отряхивая штанины.

– Да, мистер Майерс?

– Вам был задан вопрос.

– И я услышал вас. И все еще думаю над ответом.

Завуч Майерс откинулся на спинку кресла и усмехнулся.

– Позвольте мне уточнить, мистер Тейт. Вы не знаете, почему напали на Джимми Корда? Не знаете, почему ударили его исподтишка и сломали ему нос?

Глаза Райли загорелись:

– Я сломал ему нос?

– О да, мистер Тейт. Вы определенно сломали ему нос. Сейчас он находится в больнице, где его ему вправляют.

Райли прикусил щеку, подавив улыбку:

– Ого! Это очень плохо.

– Да, действительно, – сказал мистер Майерс, – очень плохо. Очень плохо для него, поскольку ему, вероятно, придется пропустить сегодняшнюю игру против «Лэйн Кэмп». Очень плохо для «Стауфордских бульдогов», поскольку их защитник отправился на скамейку запасных из-за спонтанного нападения другого ученика. Очень плохо для жителей Стауфорда, купивших билеты на сегодняшнюю игру, чтобы посмотреть, как Джимми Корд бежит шестьдесят ярдов к линии ворот.

Райли откинулся на спинку стула, борясь с ухмылкой. Вена на лбу мистера Майерса вздувалась с каждым последующим словом, и какое-то время Райли втайне надеялся, что благодаря аневризме ему не придется еще одну минуту слушать чушь этого парня.

– И очень плохо для вас, мистер Тейт, поскольку сегодня, здесь, в этом офисе, мне придется принять решение. Прежде чем я сделаю это, мне нужно, чтобы вы сказали мне, о чем, черт возьми, вы думали. Так что, пожалуйста, мистер Тейт, просветите меня.

Из спутанного сознания Райли возникла одна из отцовских аксиом: «У каждого человека есть выбор, и каждого человека судят по тому выбору, который он делает».

Райли не мог вспомнить, в какой из проповедей преподобного Тейта слышал эту строчку. Со временем утренние монологи отца по субботам слились в жужжащее месиво раскаяния, адского огня и вечных мук. Тем не менее сейчас Райли находил слова отца особенно пророческими и мучился с выбором, говорить ему правду или нет.

Самый простой вариант – сказать ложь, вертящуюся у него на языке, ложь, которую он придумал перед тем, как подойти к Джимми Корду. Она была простой и удобной и не требовала особых объяснений: Джимми Корд был засранцем, и Райли не любил его. Два заявления, которые сами по себе, вне контекста ситуации, вовсе не были ложью.

Джимми Корд, действительно, был конченным засранцем. Репутация Джимми вошла в анналы истории Стауфорда, когда в девятом классе тот ударил Майка Хенли головой об шкафчик. Майк Хенли попал в больницу с сотрясением мозга, а Джимми отправился на тренировку по футболу. Даже в своем юном возрасте Райли понимал, в каком направлении в Стауфорде дует ветер, поэтому солгать было проще.

А что насчет трудного варианта? Сказать правду? Райли боялся, что ему придется сообщить мистеру Майерсу что-то, во что тот не поверит.

Для мальчишки его возраста репутация была очень важна. Особенно в городе, где список друзей, род занятий и происхождение определяли иерархию. Райли давно установил свой собственный стиль поведения: он предпочел быть нелюдимом, который обедает в одиночестве, носит черные футболки с логотипами групп, о которых никто никогда не слышал, и красит ногти в цвет под названием «Сердце Сатаны». Он сделал все, что в его силах, чтобы восстать против существующего положения вещей, одновременно пугая своего отца и наслаждаясь горькой иронией того, что тем самым бросает вызов многим стереотипам Стауфорда. Все в школе знали, что Райли Тейт никого не любит.

Только это было не так. Он любил, правда, по-своему. И когда, между вторым и третьим звонком, он увидел, как Джимми загоняет Бена Тасвелла в угол внутреннего двора, в нем что-то щелкнуло.

Бен для Райли был кем-то вроде лучшего друга. Они выросли вместе в молодежной группе Первой баптистской церкви. То есть участвовать в ней их заставляли родители, и они терпеть не могли туда ходить. В остальном у Райли и Бена было мало общего, но их молчаливого союза из-за общей ненависти к церковной группе было достаточно, чтобы узы дружбы гарантированно крепились с годами.

И Райли не смог смотреть, как мальчишка вдвое больше Бена и вдвое же его глупее избивает его друга до полусмерти. Джимми держал Бена одной рукой за воротник, а другую, подобно молоту, занес над его лицом. И пока остальные ученики толпились вокруг и глазели, Райли испытал момент просветления. Он отбросил в сторону свой социальный статус, пренебрег своей репутацией и схватил пустой поднос с ближайшего стола. Никто не заметил его приближения, тем более Джимми Корд.

– Эй, говнюк.

Джимми обернулся, и в этот же момент Райли врезал подносом ему по лицу. Из носа футбольного защитника хлынула кровь. В следующее мгновение Джимми повалился назад и с изумленным выражением лица приземлился на задницу. Две темно-красные струйки, словно

густая краска, текли из распухших ноздрей, пачкая поднятый воротник белой рубашки поло. Райли стоял над ним, сжав кулаки, готовый к тому, что ублюдок поднимется на ноги, но тот не вставал. Джимми сидел на земле и моргал.

«Спасибо», – прошептал Бен.

«Не за что», – сказал Райли, поднимая глаза и видя, как дежурная по столовой, миссис Вайарс, распаивает двери и выбегает во внутренний двор.

Полчаса спустя Райли сидел в офисе мистера Майерса и пытался решить, стоит ли ему портить свою репутацию, говоря правду. Поверит ли ему мистер Майерс? С каких это пор у Райли Тейта появились чувства? Или *друзья*, коли на то пошло? И что подумают об этом откровении большинство обитателей стауфордской школы?

От перспектив у него закрутило желудок.

– Ну, мистер Тейт?

Райли моргнул, поднял глаза на мистера Майерса и улыбнулся.

– Мне так захотелось.

– Вам так *захотелось*?

– Угу, – произнес он, кивая. – Теперь я могу идти?

Завуч раздраженно стиснул зубы, ущипнул себя за переносицу и покачал головой.

– Вы отстранены от занятий. На неделю. Я позвоню вашему отцу. Убирайтесь из моего офиса.

Райли Тейт поднялся на ноги и открыл дверь. Выходя, он постарался не улыбаться. В конце концов, ему нужно было сохранить репутацию.

5

Если б Райли остался в офисе мистера Майерса, то увидел бы, как на парковку бургерной через дорогу въехал ржавый пикап. Он переживал далеко не лучшие дни, когда-то его кузов был ярко-желтого цвета, а теперь от него остался лишь убогий кожух из металла, клейкой ленты и замазки. Когда автомобиль пересек тротуар и въехал на парковку, двигатель выстрелил в карбюратор, выпустив темное облако выхлопных газов на остальных посетителей.

Водитель, мужчина по имени Вэйлон Паркс, остановил пикап в дальнем конце парковки и заглушил мотор. Его пассажир, Зик Биллингс, опустил окно и выпустил изо рта еще одно облако дыма, столь же отвратительное, как предыдущее. Докурив «косяк», он вдавил окурков в пепельницу на приборной панели.

Вэйлон ударил кулаком по рулю и трижды просигналил. Зик повернул голову, морщась при каждом пронзительном звуке.

– Кончай, мужик. У меня башка раскалывается.

– Я умираю с голоду. Нам нужно следовать графику. – Вэйлон просигналил еще дважды. – Эй вы, пошевеливайтесь.

Зик откинулся назад и закрыл глаза. Он не спал почти всю ночь, изучая старые книги по химии, которые взял в стауфордской библиотеке. Вэйлон тоже долго не ложился, искал место для варки, чтобы приготовить первую партию. Никто из них не знал, что они делают, но у Зика хватило ума включить компьютеры стауфордской библиотеки, чтобы сначала провести небольшое исследование в Интернете.

О том, чтобы отказать их главному клиенту, не могло быть и речи. Зик полагал, что иметь компромат на начальника полиции города выгодно, при условии, что ему когда-либо приходилось делать что-то с этой информацией. У каждого есть свой любимый порок, и Оззи Белл не был исключением, но их уникальные отношения предусматривали больше свободы, чем обычно. Оззи получал свой кайф, а Вэйлон и Зик – возможность оставаться в бизнесе.

«Держись в тени, – сказал ему Оззи, – и мы сможем продолжать наши отношения, пока я не выйду на пенсию. Черт, да и потом сможем продолжить, если будешь хорошо себя вести. Я получаю, что я хочу, ты получаешь, что ты хочешь, и все счастливы».

Если, конечно, они смогут поставлять ему то, что он хотел, когда он этого хотел. Вчера днем, когда шеф Белл появился у трейлера Вэйлона, стоящего на другой стороне Мур-Хилла, Зик решил, что тот приехал за обычным «кайфом».

«А метамфетамин у вас есть?»

Вэйлон заговорил, прежде чем Зик успел ответить. «Нет, сэр, но мы можем быстро сварить для вас партию».

«Насколько быстро?»

«Как насчет воскресенья? Как раз к началу ваших занятий в церковной школе».

«Годится, – согласился Оззи. – Что угодно, лишь бы перетерпеть проповеднический бред Тейта».

Все пожали друг другу руки, хотя Зик не понял почему. Подобную сделку дед Зика, Роджер, назвал бы односторонним соглашением. По правде говоря, Оззи держал их за яйца, и все это знали. Попроси Оззи Белл луну, Вэйлон не смог бы ему отказать. Именно поэтому они так долго не ложились, именно поэтому проспали будильник Вэйлона, именно поэтому поздно начали и именно поэтому Зик поймал себя на мысли: как они собираются из всего этого выкручиваться?

– Эй, Эзикиел.

Он открыл глаза и увидел Сюзан Прюитт, прислонившуюся к пикапу.

– Ты же знаешь, что меня так никто не зовет, Сюзи.

– Меня тоже зовут не Сюзи. – Она пихнула его в плечо. – Ты не догадаешься, кто в городе.

– Кто? Президент?

– Лучше. Наш давно потерянный сводный братец, художник.

Зик выпрямился в кресле, осоловелость внезапно исчезла из его налитых кровью глаз.

– В натуре?

– В натуре, – сказал Вэйлон, барабанил пальцами по рулю. – Ты уже примешь у нас заказ или нет?

– Погоди, – рявкнул Зик. – Ты серьезно? – Он всмотрелся в лицо Сюзан, пытаясь понять, не лжет ли она. «Не доверяй змее, – говорил ему дедушка Роджер, – они всегда кусают, когда повернешься к ним спиной». Сюзан смотрела на него с таким же бесстрастным, похожим на маску выражением, какое у нее было всегда. Лицо спокойной суки.

Она кивнула, щелкнув ручкой об пассажирскую дверь.

– Разговаривала с ним десять минут назад. Он в другом конце парковки, если не веришь. Видела его сегодня на кладбище, приходил отдать дань уважения.

– Как-то не очень хорошо – не приехать на похороны собственной бабушки.

– Они все такие, эти «важные птицы». С другой стороны, он, вероятно, не хотел, чтобы кто-то знал, что он связан с ведьмой.

Зик ухмыльнулся.

– Тут ты чертовски права, сестренка. Ей повезло, что горожане не сожгли ее на костре.

Они рассмеялись, и на мгновение Зик снова почувствовал в ней родственную душу, как в детстве.

Тени их прошлого не казались такими пугающими, когда они могли взяться за руки и вместе противостоять им, но те дни давно остались позади.

Вэйлон откашлялся.

– Зик, мне не хочется прерывать это ваше воссоединение, но у нас есть работа.

– Он прав, – вздохнул Зик.

Сюзан пожала плечами.

– Все в порядке. – Она достала блокнот и сердито зыркнула на Вэйлона. – Что изволите? Мужчины сделали заказы и стали наблюдать, как она неспешно возвращается к окну выдачи. Пока Сьюзан удалялась, покачивая бедрами, Вэйлон тихо присвистнул:

– Чертовски жаль, что она твоя сестра, мужик. Я б за ней приударил.

– Сводная, но все равно родная. А значит, неприкосновенная. – Зик размахнулся и двинул Вэйлона по плечу. – Тебя это тоже касается, большой говнюк. Я видел, что ты делаешь с девками, которых приводишь в трейлер.

Вэйлон пригладил сальные волосы и понюхал пальцы.

– О Ронде у меня остались теплые воспоминания. Ты не поверишь, какое гадкое дерьмо она отчебучивает в постели.

– Хватит, – поморщился Зик. – И держись подальше от моей сестры.

– Тебе не о чем беспокоиться, братан. Она не в моем вкусе. Слишком высокомерная. Мне нравятся более пухлые, чутка надломленные изнутри.

Зик закатил глаза. В качестве партнерш Вэйлон выбирал эмоционально травмированных женщин, готовых от отчаяния встречаться даже с белым отребьем вроде него и которым не хватало силы воли, чтобы отказать ему. Сьюзан Прюитт, с другой стороны, была зверем совершенно другой породы. Такие скорее выпотрошат мужика за косой взгляд, чем подчинятся. Вэйлон знал, что лучше не цеплять ее, даже в отсутствие Зика.

– Кстати, – продолжил Вэйлон, – я все равно не понимаю, почему ты общаешься с этой надменной сукой.

– Потому что мы – семья, – пробормотал Зик, откидываясь на спинку сиденья. Он закрыл глаза и расслабился. Он был более близок с Сьюзан Прюитт, чем с остальными его сводными братьями и сестрами, но это мало о чем говорило. После того как его дед умер от рака легких, он стал жить со Сьюзан и ее дедом Хэнком, пока ему не исполнилось восемнадцать. Даже тогда Сьюзан была непредсказуемой. В одну минуту – подружкой, а в другую – совсем чужим человеком. А в школе постоянно избегала его. Теперь, когда он занялся дилерством, у них стало больше общего. Ей нравилось время от времени покурить «косяк», иногда с добавкой в виде «кислоты», но он по-прежнему ей не доверял.

Да и как он мог, после той ночи в своей спальне?

Зик открыл глаза и уставился в потолок грузовика, мысленно прокладывая курс между проплешинами на обивке. «Выбрось это из головы, – сказал он себе. – Прошел уже миллион лет, и она не стоит твоего беспокойства».

Но сердце говорило совершенно другое. Он по-прежнему испытывал внутренний трепет, когда она разговаривала с ним, независимо от того, какую маску в этот день носила.

– Вэйлон, – сказал он, садясь прямо. – Не включишь какую-нибудь музыку?

Послушавшись, его друг вставил кассету в деку на панели. Мгновение спустя вступительные аккорды песни «Простой человек» от Lynyrd Skynyrd полились ему в уши. Он стал подпевать, принимая слова близко к сердцу.

Прошло несколько минут, и Сьюзан вернулась с едой. Зик протянул ей двадцатку и сказал сдачу оставить себе.

– Спасибо, – ответила она, глядя на гофрированный брезент, натянутый над кузовом. – Едете в лес?

Вэйлон перестал разворачивать бургер и ошеломленно посмотрел на нее.

– Откуда ты знаешь?

– Удачная догадка, – улыбнулась она. – Сегодня полнолуние, знаете?

– И что?

– Да так, не важно. Развлекайтесь, мальчики. – Сьюзан постучала по крыше грузовика и подмигнула Зику. Они снова посмотрели ей вслед. Вэйлон покачал головой.

– Твоя сестра чертовски странная, мужик.

– Ага, – сказал Зик, глядя в спину Сюзан. – Это наследственное.

– Вот это уж точно, мать твою! – рассмеялся Вэйлон и едва не подавился едой. Он выкашлял жеваный кусок бургера и выплюнул его в окно. Затем прочистил горло и вытер рот. – Готов приступить к работе?

Зик сунул пригоршню картошки фри себе в рот.

– Давай уже.

– Точно. – Вэйлон завел грузовик. Минуту спустя они, визжа шинами, выехали с парковки на шоссе Камберленд-Фолс. Солнце висело в зените, небо было чистым, за исключением нескольких облаков, дорога – почти пустой. С Lynyrd Skynyrd в динамиках и с полным баком бензина жизнь не могла быть прекраснее.

И уже не будет. Ибо еще до рассвета Вэйлон умрет.

6

Через два часа Джек с набитым животом вернулся в дом бабушки. По пути он заехал в хозяйственный магазин и купил полиэтилен, чтобы закрыть разбитые окна, а также ведро, губки и жидкое мыло, чтобы убрать граффити. Чак передал ключи, когда они вернулись к нему в офис, но Джек оставил их в кармане. Глядя на старый дом, он понимал, что не готов вернуться в его залы, к воспоминаниям, ожидающим внутри. Еще рано.

Вместо этого он принялся убирать оставленный вандалами беспорядок. Найдя старую метлу, висящую на внутренней стороне двери садового сарая, Джек подмел ею крыльцо. Рут, подойдя к подъездной дорожке, окликнула его и спросила, не нужна ли помощь. Он отмахнулся, но все равно поблагодарил.

– Возможно, завтра, – сказал он ей и вернулся к работе. Обычно он не возражал против компании или помощи, но в данный момент ему необходимо было время, чтобы прочистить голову. Бабуля Джини называла его нервным работником. Работа руками помогала ему забыть про проблемы. Он не мог работать над картинами, пока был занят такими вопросами. Мелочи реальной жизни отравляли его творческий колодец. К тому же он предпочел оставить творчество царству кошмаров, которое до сих пор неплохо ему служило.

Как только крыльцо было расчищено, он начал оттирать краску, наполнив ведро через внешний кран, и сделал мысленную пометку поблагодарить Чака за оплату коммунальных услуг. Несколько проходов губкой принесли плоды: вода стала грязно-красного цвета, отчего мысли Джека вернулись в более темные места. Он остановился, ища в пыльных уголках разума воспоминания, которые раздражали больше всего, непрерывно зудя внутри черепа.

«Огонь», – мысленно произнес он. Ему едва исполнилось десять, Джек еще не окончил начальную школу. Ночные кошмары тогда были страшнее всего. Он проснулся с криком, сбрасывая ногами одеяло с кровати и отбиваясь от невидимых тварей, протягивающих к нему из темноты свои когтистые лапы. Пробуждение сопровождалось неистовством, вызванным преследованием безымянных существ. С улицы доносились голоса людей. Громкие и грубые, а из окна исходило слабое оранжевое сияние. Оно хаотично плясало, отбрасывая страшные тени на мультяшные плакаты, заставляя героев на них корчить гримасы, мигать и говорить.

«Твой дом подожгли», – шептали они ему, и в своем полусонном, бредовом состоянии Джек поверил им. Он лежал, боясь людей на улице, которые готовились сжечь дом Бабули Джини. Понял, что не может двигаться. По лбу катились капли пота, затекали в глаза, отчего их сильно жгло. И все же он был так напуган, что не мог моргать. Сочащееся сквозь закрытые шторы оранжевое сияние усиливалось. Мужчины смеялись, их страшные, грубые голоса напоминали лай голодных бешеных псов.

Воспоминания закрутились, словно исцарапанная пленка мысленного фильма, который он был не в силах остановить. В какой-то момент Джек выбрался из кровати, освободившись

от парализующего страха, удерживавшего его там, и босыми ногами прошлепал по коридору. Бабули Джини в ее комнате не было. На кровати скомканной кучей громоздились одеяла, а шторы на окнах были раздвинуты.

Тогда вниз, на первый этаж. Он обнаружил, что входная дверь распахнута настежь, а на крыльце стоит бабушка в ночной рубашке, залитой переливающимся оранжевым светом. От прохладного ветерка белая хлопчатобумажная ткань развевалась у нее за спиной подобно плащу, и в полусонном состоянии Джеку показалось, что бабушка похожа на супергероя из комиксов.

Выстрел напугал его. Бабуля Джини направила револьвер в небо и выстрелила второй раз. Джеки на цыпочках двинулся к дверям, на свет, идущий с переднего двора. Потому что, как он помнил, там что-то горело. Запах дыма, заносимого ветром в дом, был ощутимым, а от душного облака, плывшего в его сторону, жгло глаза. Он прищурился, смаргивая слезы.

В переднем дворе стояли призраки. Призраки с громкими, хриплыми голосами, в белых простынях, с лицами, скрытыми за масками с прорезями для глаз. На траве, пересекая друг друга, горели две огненные линии. Языки пламени возносились в ночь, лизали воздух, словно змеиные жала.

«Прочь с моей собственности, – заявила Имоджин. Она опустила оружие и направила его на ближайшего призрака. – Вам здесь не рады».

«Как и тебе, ведьма. Нам не нравится твое язычество».

«Я больше не буду просить», – прорычала она. Джек помнил тон ее голоса. Они все влипли в неприятности, и им очень повезет, если они не получат хлыстом по заднице.

А затем случилось что-то, что он не смог бы объяснить. Воспоминание, когда-то похороненное в глубинах разума, было таким туманным, что его можно было спутать с полузабытым сном. Бабуля Джини подняла свободную руку к небу, призывая невидимую силу. И лижущее ночь пламя, закручиваясь спиралью, устремилось к призракам. Белая мантия одного из них загорелась. Двое его друзей бросились к нему на помощь, чтобы вытащить из огненного ада, и попытались сбить мерцающее оранжевое пламя, охватывающее его тело.

Джек помнил, как человек кричал в панике. Помнил, как все они кричали, призывая друг друга отступить.

«Это еще не конец, ведьма!»

И действительно, это продолжалось еще какое-то время. Джек сжал губку в руке так сильно, что вся вода вытекла из нее. Мыльная пена на обложке пузырилась и лопалась. Джек моргнул, вытер пот со лба и посмотрел на оставшиеся буквы, сочащиеся красными подтеками по белой панели.

Старая сука горит в аду.

Он уставился на эти слова, затем снова перевел взгляд на входную дверь. Ключ оттягивал карман, космический вес, дополненный силой притяжения, давил на Джека.

– Всеми свое время, Бабуля.

Закончив, Джек бросил губку в ведро с грязной водой и вытер руки о штанину. Вытащил телефон и набрал Чака. После трех гудков старый друг ответил.

– Чак, это Джек. Хочешь выпить?

Глава седьмая

1

Красная табличка «ПРЯМОЙ ЭФИР» погасла, и Стефани «Стиви» Грин отодвинула микрофон от лица. Студию заполнил голос продюсера.

– Стеф, ты не можешь говорить в эфире подобное дерьмо.

Она освободила свои кудри от наушников и убрала их в пучок на затылке. Затем наклонилась к микрофону и бросила косой взгляд на Райана, сидящего по другую сторону окна.

– Блин, это моя радиостанция, – сказала она, – и я буду говорить все, что хочу.

– В пределах разумного, Стеф. ФКС⁶ – это одно, но злить своих слушателей – совершенно другое, и...

Стефани сняла наушники. Когда она подняла глаза, Райан Корлисс продолжал говорить. Она помахала ему, произнеся губами: «Я тебя не слышу», указывая при этом себе на голову, и рассмеялась, когда он показал ей средний палец. Это был не первый их спор. С тех пор, как год назад открылась радиостанция, Стефани встречала сопротивление на каждом шагу. Она принимала жалобы от местных жителей, но не собиралась терпеть претензии еще и от продюсера. Особенно когда дело касалось содержания.

Собрав сумочку, она допила кофе из своей кружки и вышла из студии. Райан встретил ее в коридоре.

– Я серьезно, Стеф. Некоторые из местных хотят насадить твою башку на кол. По их мнению, ты проповедуешь евангелие от Сатаны. Когда ты говоришь им выпить сегодня вечером за Верховного Козла, то укрепляешь такой образ мышления.

Она покачала головой и протиснулась мимо него в микшерную, задержавшись, лишь чтобы взглянуть на расписание трансляций. Блок старой Metallica, блок шведского дэт-метала, блок гранжа, мемориальный блок The Yellow Kings, час глэм-метала 80-х, предваряющий блок «по заявкам слушателей»... Чего-то не хватало. Стефани взяла с лотка маркер и написала в верхней части доски «Больше индастриэла». Снова повернулась к Райану и указала на доску.

– Скажи Синди, чтобы через день убирала гранж. Нам нужно гонять Ministry и Nine Inch Nails не реже, чем Nirvana и Alice in Chains.

Райан покачал головой.

– Ministry? В юго-восточном Кентукки? Ты, блин, серьезно?

– Я серьезна, как инфаркт, дорогуша. – Она игриво похлопала его по щеке. – Мы не следуем правилам, помнишь? Мы гоняем то, что хотим, а хотим мы все виды «метала».

– Да? Вот этому парню такое скажу. – Райан протянул ей сложенный листок бумаги.

– Еще одно «фанатское» письмо?

– Угу. Это просто что-то с чем-то.

Стефани села на кожаный диван и развернула письмо. Хоть слова были нацарапаны небрежно, послание вышло четким и недвусмысленным:

⁶ Федеральная комиссия по связи – независимое правительственное агентство США, уполномоченное регулировать использование всего радиоспектра, не принадлежащего федеральному правительству.

**ТЫ, ШЛЮХА-САТАНИСТКА,
ЗАКРЫВАЙ СВОЮ РАДИОСТАНЦИЮ
ТЕБЕ ЗДЕСЬ НЕ РАДЫ
УБИРАЙСЯ ИЛИ ПЕНЯЙ НА СЕБЯ!!!**

Она скомкала листок и бросила его в другой конец комнаты. Бумажный шарик отскочил от края мусорной корзины и упал в грудку других жалоб.

– Чуть не попала, – сказала она. – Скоро заработаю два очка.

Райан подкатил к ней свое кресло и сел. Нахмурившись, посмотрел на нее грустными щенячьими глазами – она обожала это его выражение лица. Оно напоминало ей то, как игриво дулся ее второй парень, когда хотел, чтоб она его поцеловала. Глядя на Райана, находящегося в счастливых отношениях с замечательным человеком по имени Виктор, Стефани напомнила себе, что нужно сдерживать свои инстинкты.

– Я не шучу, – тихо сказал Райан. – Господи, ты уже получаешь угрозы.

– Вот почему я знаю, что у нас получается. Разве Элвис перестал трясти бедрами из-за рассерженных родителей?

Райан поджал губы.

– Я бы хотел, чтоб ты отнеслась к этому серьезнее.

– Прости. – Она прижала ладони к его щекам и поцеловала в лоб. – Я ценю твою заботу, правда. Но я знаю, что делаю. Ты забыл, что я выросла здесь. Я помню, каково расти в этой дыре, без радиостанции, транслирующей рок. Видел последние данные о нашей аудитории? Эти цифры не лгут.

Он откинулся на спинку кресла и обиженно скрестил руки. «Попался», – подумала Стефани. С цифрами Райан спорить не мог. Они достигали своей целевой аудитории. Работа изнурила, и с момента открытия год назад Стефани провела в студии больше часов, чем у себя в квартире, но спрос был. После нескольких лет работы в безвестности на более крупных региональных радиостанциях она насытилась кантри-музыкой настолько, что предпочла бы пройти пытку водой, чем слушать ее снова.

Поэтому она сделала то же, что и любой другой американский предприниматель: отложила сбережения, провела подготовительную работу, написала бизнес-план и получила ссуду. Несколько месяцев спустя она закатила стройку на небольшом участке земли на северной стороне Гордон-Хилла, и на свет появилась Z105.1 fm.

Эти цифры тоже не лгали. Стауфорду в его районе нужно было еще что-нибудь, кроме кантри и госпела. Что-то острое, что могло бы найти отклик у городской молодежи, терзаемой неуверенностью в будущем, и Стефани знала ответ. Она прекрасно помнила, каково это – расти в южной глуши. Искать что-то свое, а находить лишь творчество предков, недостижимое и на многие годы оторванное от жизни.

Стауфордская молодежь услышала ее послание: быть другим – это нормально. Старшие поколения города не соглашались, им не нравилось то, как станция привлекает к себе внимание. Стефани взглянула на растущую гору скомканных писем с жалобами рядом с мусорной

корзиной. Червь сомнения медленно подтачивал ее решимость, подбираясь все ближе к сердцу. Может, Райан прав? Может, стоит отнестись ко всему серьезно?

В голове зазвучал голос бабушки Мэгги. «Помнишь, что случилось с Джини? Помнишь все те кресты, которые они жгли у нее во дворе? Она больше не могла ходить в городе по магазинам, ей приходилось ездить за покупками в Лэндон, чтобы избежать косых взглядов».

По плечам Стефани поползли мурашки. Бедная Джини, уже две недели, как ее не стало. Стефани надеялась, что где бы Джини ни находилась, она, наконец, обрела покой. Ее мысли обратились к внуку Джини, Джеку. Они потеряли связь после колледжа, когда он переехал в Новую Англию. Хотя она по-прежнему следила за ним в Интернете. Репродукция его самой известной работы, *«Полуночное Крещение»*, висела над унитазом в ее ванной комнате. Однажды Райан спросил ее, почему она повесила ее именно туда, и она ответила, что это отличное жанровое произведение.

На картине был изображен безликий мужчина, крестящий в кровавом озере группу детей с завязанными глазами, в то время как за происходящим с берега наблюдала группа мастурбирующих прихожан. Над ними висела желтоватая луна, с кратерами, похожими на немигающие глаза. Большинство гостей относились к картине с отвращением, некоторые – с восхищением, и все хотели знать, какого черта Стефани повесила ее у себя дома.

«Потому что ее нарисовал мой брат», – говорила она им. На этом разговор заканчивался. Иначе, чтобы продолжить его, ей потребовалось бы такое количество алкоголя, с которым она никогда б не справилась. К тому же, в последнее время она старалась не ворошить прошлое.

– Стеф?

– Хм?

Райан, улыбаясь, покачал головой.

– Ты не слышала ни слова из того, что я сказал, так ведь?

– Так, – ответила она. – Я была за миллион миль отсюда.

– Угу, – сказал он. – Я сказал, что закончу здесь, если хочешь уйти.

– Уверен?

– Да, – ответил Райан. – Ты работала десять дней подряд без перерыва. У нас столько предзаписанного материала, что хватит на месяц, если потребуется. Возьми отгул.

Улыбаясь, Стефани поднялась с кожаного дивана и схватила сумочку. Изнутри раздался звонок телефона. Проверив экран блокировки, она увидела СМС-сообщение от ее старого друга, Чака.

– Легко на помине, – пробормотала она.

Райан отвел глаза от микшерного пульта.

– Что такое? Ты еще здесь?

– Нет, – рассеянно ответила она. – Уже уйду.

Прошло еще пять минут, когда она наконец покинула студию.

2

Визжа шинами и разбрасывая камни из-под колес, ржавый желтый пикап повернул на Девилз-Крик-роуд. Вэйлон украдкой взглянул на партнера, когда они миновали дорожный указатель. Зик крепко спал, с его нижней губы свисала тонкая струйка слюны.

«Отлично, – подумал Вэйлон. – Мне меньше всего надо, чтобы ты навалил в штаны, когда увидел, куда мы едем».

Как и все в Стауфорде, он слышал истории о своем друге. Да и кто не слышал? Каждый, кто вырос в этом городе, знал о таинственных событиях в Девилз-Крик и о «Стауфордской шестерке», которую спасли от обитавшего там культа смерти. В детстве он слышал, что те дети

вернулись, неся какую-то отметину. «Дурной знак», – говорили некоторые. «Проклятье», – говорил его дед.

Вэйлону было плевать на слухи. Он хотел лишь добыть то, что пообещал начальнику полиции Беллу, а Девилз-Крик был самым подходящим для этого дела местом. Однажды он приезжал сюда, еще подростком, поспорив со старшим братом, Уэйном. Изолированное, тихое место находилось вдали от цивилизации, и в 80-е там случилось что-то нехорошее. Черт, неужели все плохое случалось в 80-е?

Стауфордские родители рассказывали своим детям страшные истории про Девилз-Крик, чтобы те не ходили в лес. Вэйлон знал примерно столько же, сколько и все остальные: старая церковь, черная магия, части изувеченных собачьих тел, свисающие с деревьев. Последняя услышанная им история была про то, как соседний ручей Дог-Слотер-Крик⁷ получил свое название, хотя он не был уверен в ее правдивости. Соответствовали ли эти слухи действительности или нет, Вэйлон рассчитывал, что эта легенда предоставит им уединение, необходимое для выполнения работы.

Однажды он попытался напоить Зика и разговорить, но едва упомянул про это место, как его друг будто язык проглотил. Впал в ступор и не разговаривал с Вэйлоном неделю. Наконец, придя в себя, Зик сказал лишь, что никогда не хотел бы возвращаться туда. «Это как кошмар, от которого я не могу проснуться, – сказал Зик. – Огромная клятая туча, висящая над головой всю мою сраную жизнь».

«Извини, братан. Ты будешь благодарить меня, когда Оззи положит тебе в руку пачку „двадцаток“».

Дорога, петляя, углублялась в лес. Когда грузовик слишком резко повернул, двенадцать пропановых баллонов в кузове лязгнули друг о друга, и Зик зашевелился. Вэйлон посмотрел на друга, мечтая, чтобы тот снова уснул. Глаза Зика приоткрылись на мгновение, затем снова сомкнулись.

Вэйлон почувствовал укол сожаления, легкое ощущение вины за то, что повез Зика в место, которое того пугало. Но столь банальные эмоции рассеялись, когда он, свернув за поворот, заметил гравийную дорогу. Еще несколько миль вглубь леса, и они наткнутся на заросшую тропу. Еще чуть-чуть – и найдут небольшое поселение, оставленное членами культа: заброшенные гниющие лачуги, окруженные зарослями сорняков.

Солнце скользнуло за плотную гряду облаков, отбросив на грузовик тень. Вэйлон почувствовал, как по рукам и затылку с шеей поползли мурашки.

Зик проснулся, когда пикап затормозил, брызнув гравием и подняв вверх облако пыли. Припарковав грузовик, Вэйлон заглушил двигатель и повернулся к другу.

– Готов к работе, спящая красавица?

– Ага, – ответил Зик, протирая глаза. – Где это мы?

– В месте, о котором я тебе говорил. Давай же, идем. Хочу все приготовить, пока не стемнело.

Прежде чем Зик успел возразить, Вэйлон выбрался из грузовика, снял брезент и принялся за инвентаризацию. Двенадцать баллонов с пропаном, связка резиновых трубок, ящик из-под молока, наполненный стартовой жидкостью и назальными деконгестантами, бутылки с аммиаком, банки с ацетоном, коробки спичек, пустые кастрюли и сковороды, резиновые перчатки, кофейные фильтры, пять галлонов дистиллированной воды, учебник по химии, который Зик украл из библиотеки, и небольшая походная печь.

Он все осмотрел, отмечая галочкой в уме. Меньше всего ему хотелось приступить к работе и на полпути понять, что нужно больше стартовой жидкости или фильтров.

Зик вылез из грузовика и окинул взглядом груз.

⁷ Ручей резаных собак (англ.).

– Маски не забыл?

– Ты о чем? – пробурчал Вэйлон, доставая из кузова один из баллонов с пропаном. – Для чего маски?

Зик покачал головой.

– Для наших легких, придурок. Разве ты не читал то, что я дал тебе сегодня утром? Ты хоть представляешь, какими испарениями мы будем дышать?

– Все будет нормально, – сказал Вэйлон. – Ты собираешься мне помогать или нет, мать твою?

Вэйлон двинулся вперед, таща за собой пропановый баллон, а Зик последовал за ним, неся ящик с химикатами и лекарствами. Им потребуется как минимум три ходки к грузовику, а может, пять или шесть. И Вэйлон очень торопился, стараясь при этом не запнуться о собственные ноги. Здесь, в лесу, время было на вес золота, а они уже отставали от графика.

Пока мужчины шли под пологом леса, солнце скрылось, оставив лишь слабые проблески света, просачивающиеся сквозь листву. Вокруг их голов кружили комары, напевая в уши предупреждение, которое никто из них не понимал. Когда они добрались до деревянного пешеходного мостика, протянувшегося над журчащим ручьем, Зик замешкался. Вспугнутая ими лягушка квакнула и прыгнула в воду, подняв со дна облако ила.

Зик прочистил горло.

– Подожди, Вэйлон. Это как-то неправильно.

Вэйлон был уже в другом конце мостика. Он переступил с ноги на ногу и взял пропановый баллон в другую руку. Со лба на переносицу у него стекал пот. «Вот черт, – подумал он. – Начинается».

– В чем дело?

Зик смотрел на ручей, шурясь от попадающего в глаза пота.

– Ты знаешь, где мы?

Вопрос застал Вэйлона врасплох, он ожидал, что изо рта Зика вылетит что-то гораздо менее невинное. Он ожидал, что ему придется драться, просить и умолять Зика остаться и помочь ему варить, но это было что-то совершенно другое. Таким образом, возникла моральная дилемма: сказать другу правду или прикинуться дураком?

Вэйлон взвесил варианты и решил встать на сторону невежества. Он преуспел в жизни, позволяя людям считать себя дураком. Какой смысл сейчас останавливаться?

– Не-а. Я нашел это место вчера. Здесь тихо, и нас никто не потревожит. А что?

Зик какое-то время таращился на него, изучая лицо друга в поисках подвоха. А подвох был, только Вэйлон не собирался его показывать. Вместо этого скривился и хмыкнул, снова переложив пропановый баллон из одной руки в другую.

– Давай же, – сказал он, – идем. Эта хрень очень тяжелая.

Наконец Зик вздохнул и закрыл глаза. Подул легкий ветерок, остужая их разгоряченные лица.

– Это... ничего. Неважно. – Зик сделал шаг к мосту, затем еще один. – Идем.

Вэйлон Паркс проследил взглядом, как его друг проходит мимо, следуя едва заметным очертаниям заросшей тропы, уходящей вверх в кусты. Над головой щебетали птицы, выкрикивая очередное предупреждение, которое никто из мужчин не понимал.

3

«Отстранен от занятий. Мой сын отстранен от занятий. За то, что ударил другого ребенка».

Преподобный Бобби Тейт вздохнул, ожидая в коридоре возле комнаты сына. Он стоял перед маленьким комодом, над которым висели фотографии его покойной жены и маленького

Райли. Между снимками висел крест, олицетворяющий троицу всего, чем Бобби Тейт дорожил в этом мире. «Пожалуйста, Господи, дай мне терпения и понимания. Пожалуйста, не дай мне убить собственного сына. Аминь».

Под последней фразой он не подразумевал реальное желание, но включил его в молитву, чтобы почувствовать себя увереннее. Казалось, Райли и раньше испытывал его терпение, каждый день, с тех пор, как мальчику исполнилось тринадцать и он погрузился в дьявольские муки юности. Бобби подозревал, что через сыновний бунт Господь заставлял его платить за собственные проступки в подростковом возрасте. Бог знал, что у Бобби хватало ссор с дедом, Джерри, многие из которых заканчивались встречей ягодиц Бобби с рабочим концом весла.

Эти наказания помогли ему стать тем, кем он был сегодня. Уважаемая среди представителей общины фигура, набожный христианин, лидер конгрегации светлых душ, которые делали все, что могли, для церкви и друг для друга. Через много лет, когда люди будут вспоминать о том, что Бобби Тейт был настоятелем Первой баптистской церкви, они будут говорить о нем хорошие вещи.

Что Джерри Тейт вырастил отличного внука. Что Бобби Тейт был хорошим человеком с добрым сердцем, человеком, который, после того как его жена Джанет скончалась от рака, делал все возможное, чтобы вырастить сына.

Что его сын был хитрожопым чудилой.

Они называли его сына хитрожопым чудилой. По крайней мере, так сказал ему Ронни Корд по телефону через пять минут после того, как ему позвонили из школы. Корд говорил и другие вещи, но Бобби не стал его слушать. Когда раздался звонок, он планировал свою воскресную проповедь; после этого ему пришлось подумать о найме адвоката. Все из-за Райли. Всегда из-за Райли.

Что он мог сделать как родитель? Они почти не разговаривали друг с другом, а если и разговаривали, то обычно это было одно-два предложения и какие-нибудь банальности. И когда он уже решил, что понимает сына, мальчишка пошел и сделал что-то, что удивило его и пошатнуло существующее положение вещей. Сначала та ужасная злая музыка, потом черная одежда, лак для ногтей, дерзости и отчужденность. Большую часть свободного времени он проводил в телефоне или за компьютером. Его оценки все еще были хорошими, слава богу, но Бобби сомневался, что это надолго.

Несмотря на свой новый образ, Райли продолжал заниматься в молодежной группе Первой баптистской церкви, чему Бобби был бесконечно рад. Он не совсем понимал почему, учитывая новую склонность сына бунтовать против всего, что Бобби хотел для него. Но кто он такой, чтобы подвергать сомнению божественное провидение? Пути Господни неисповедимы.

Бобби хотел верить, что для сегодняшнего сыновнего поступка была веская причина, но ему было трудно ее найти. В любом случае должно последовать какое-то наказание. Можно посадить мальчика под домашний арест, но Бобби не мог не пустить сына в поход, запланированный Молодежной группой на выходные. Он боялся, что, запретив сыну заниматься делом, к которому у того еще остался интерес, вызовет у него еще большую обиду.

Бобби вздохнул и уставился на крест, висящий на стене. «Господь, помоги мне найти компромисс в ситуации с сыном. Боюсь, что я потерял моего маленького мальчика. Если бы только Джанет все еще была со мной...»

Райли громко рыгнул, выйдя из комнаты. С отвращением поджав губы, Бобби хотел было выругать мальчишку, но проявил сдержанность перед своим спасителем. Вместо этого он отвернулся от креста, пробормотал «Аминь» себе под нос и шагнул к сыну. На Райли были ужасные рваные джинсы, которые Бобби терпеть не мог («В них ты выглядишь босяком, не способным позволить себе приличную одежду»), черная футболка с изображением стауфордских парней, погибших при пожаре на западе («Упокой, Господь, их души, аминь»), ногти накрашены свежим черным лаком.

Когда Бобби был молодым, подобных называли «готами». Бог знает, как их сейчас называют. И, несмотря на все его усилия, сын стал таким будто в одночасье.

– Сынок?

Райли повернулся к нему, тут же смутившись от звука отцовского голоса. У Бобби подскочило давление, но он сдержал волну гнева, напомнив себе, что он – служитель Господа. Сладкий голос Джанет зазвенел у него в голове. *Медом ты поймаешь больше мух, чем уксусом, дорогой.*

Он прочистил горло.

– Послушай, знаю, сейчас ты не хочешь со мной разговаривать, но мне нужно понять причину твоего поступка.

Райли отступил назад, прислонившись к дверному косяку своей комнаты. Бобби знал этот маневр. Одно неверное слово, и его сын спрячется за дверь, закроется от него, а при необходимости – от всего мира. Господи, дай мне терпения и понимания...

– Насилие – это не выход, – продолжил Бобби, – каким бы правильным ни показалось тогда твое решение. Уверен, ты думаешь, что Джимми Корд заслужил это. – Он фыркнул, сдерживая смех. – Учитывая то, что мне известно про его папашу, я ни капли не сомневаюсь, что сынок Ронни сделал что-то, заслуживающее этого. Но я хочу сказать, что ты не вправе судить кого-либо. Это...

Райли закатил глаза.

– Это право Господа, да, я знаю, пап. Теперь могу я идти? Скоро здесь должен быть Бен. Не хочу опаздывать.

– Подожди минутку, Райли. – Он положил руку на плечо сына и крепко сжал. – Твой поступок не останется без последствий. Так уж устроен мир. – Райли ошетинился на это высказывание. – Расслабься, я не собираюсь оставлять тебя без похода. Но нам придется придумать подходящее наказание.

– Хорошо, – сказал Райли. – Я переживу.

– Отлично, – улыбнулся Бобби. – Хочу, чтобы ты знал, что можешь поговорить со мной, сынок. Знаю, мы не во всем сходимся во мнении, и знаю, что не всегда даю тебе ответы, которые ты хочешь услышать, но я все равно буду тебя слушать.

– Пап, – сказал Райли, повторяя его жест и кладя ему руку на плечо. Ухмыльнувшись, мальчик посмотрел на него. Бобби хорошо знал этот взгляд и понимал, что его ждет. – Знаю. И если честно, ублюдок заслужил это.

Бобби шлепнул сына по губам, да так, что у того пошла кровь. Звук удара заставил их обоих вздрогнуть. Бобби отпрянул, ошеломленный своей реакцией. Однако Райли вытер рот и посмотрел на красную капельку на кончике пальца. Сморгнув слезы, он поджал губу, как раньше делала Джанет, когда сердилась.

– Я думал, что насилие – это не выход?

На ватных ногах и с разбитым сердцем Бобби Тейт вышел обратно в коридор. Он хотел извиниться, попросить у сына прощения, но огонь, бушующий глубоко внутри него, подсказывал не делать этого. «Ты заслужил это, маленький дерзкий говнюк».

Игнорируя это пламя, он протянул руку, чтобы утешить сына.

– Райли, я не... послушай, мне очень жаль. Я не должен был этого делать.

Но Райли не слушал его. Повесил рюкзак на плечо, выключил свет в своей спальне и, не сказав ни слова, побрел по коридору к лестнице. Бобби посмотрел ему вслед. Когда сын скрылся из вида, он тяжело вздохнул, чувствуя, как по щекам текут слезы.

Посмотрел на крест, висящий на стене, ища утешения у своего Спасителя, но у Иисуса были дела поважнее.

4

Райли снял рюкзак с плеча и бросил на ступеньки крыльца, посасывая рану на губе и очень надеясь, что не будет припухлости или синяка. Меньше всего ему было нужно, чтобы другие дети смеялись над ним все выходные, тем более что там должна быть Рэйчел Мэтьюз. Опять же, в старой поговорке про девчонок, которым нравятся шрамы, наверное, была доля правды. Он сел на ступеньки крыльца и принялся просматривать сообщения на телефоне.

Десять минут назад Бен написал ему: «Уже едем!». Сам он в это время собирался в дорогу, опасаясь попасться отцу на глаза. Их конфронтация была неизбежна, хотя все прошло не так, как он ожидал. Райли не думал, что отец когда-нибудь ударит его, но теперь, когда у него пульсировала от боли губа, не то чтобы удивлялся этому.

Все эти воскресные проповеди были пустым сотрясанием воздуха. Действия отца доказали то, что Райли всегда знал в глубине души.

И все же боль, которую он чувствовал, проникала глубже, за пределы опухшей губы. Она ранила его гордость, его сердце, и когда Райли оторвался от телефона, то обнаружил, что окружающий мир будто затуманен. Он сморгнул слезы, вытер их рукавом и шмыгнул носом, подавив нарастающее желание расплакаться. В октябре этого года будет три года, как не стало Джанет Тейт, и с каждым днем ее отсутствия Райан чувствовал себя все более одиноким, все больше похожим на чужака в собственном доме.

– Проклятье, – пробормотал он, снова вытирая глаза. Как бы он ни старался сдерживать слезы, они текли у него по щекам.

Я очень скучаю по тебе, мама. Хочу, чтобы ты была рядом.

Джанет любили в общине, и ее потерю чувствовали все, но, возможно, никто так сильно, как ее сын. Когда отец был слишком занят в церкви, Джанет находила время, чтобы помочь Райли с домашними заданиями, разговаривала с ним о прочитанном. И хотя мать не разделяла его музыкальных вкусов, она, по крайней мере, пыталась их понять.

Отец же, напротив, не принимал пристрастий сына, считая их актами неповиновения, и подталкивал его к тому, чтобы он посвятил свою жизнь служению церкви. Всякий раз, когда отец пытался установить с ним мало-мальский контакт, он будто преподавал какой-то библейский урок. Бобби Тейт считал сына частью своей паствы, и этот факт беспокоил Райли больше всего на свете.

– Эта долбаная церковь заботит тебя больше, чем я, – прошептал он, сковыривая с ногтя большого пальца лишний лак. – Послушала бы мама. Ты только и делаешь, что говоришь.

Громкий гудок вырвал его из задумчивости. Райли поднял глаза и увидел, как голубой церковный автобус медленно поворачивает на подъездную дорожку. Сидящий за рулем старший брат Бена, Дэниел, несколько раз просигналил, когда Райли поднялся на ноги. Громкие гудки прогнали тягостные мысли, тучей висевшие над головой, дав ему столь необходимое ощущение легкости. Он даже сумел улыбнуться, пока шел к автобусу.

– Райли?

При звуке отцовского голоса у мальчика похолодела кровь. Он оглянулся.

– Да?

– Будь осторожен, сынок. Я... – Бобби замолчал, нахмурившись и обдумывая слова. Немного подождал, затем помахал. – Желаю хорошо провести время. Я люблю тебя.

Райли вздохнул, проглотив рвущиеся наружу саркастические возражения.

– Я тоже тебя люблю.

Эти слова оставили горький медный привкус на языке. Райли повесил на плечо рюкзак и зашагал к автобусу. Поднявшись в салон, изучил схему рассадки. Мальчики впереди, девочки сзади. Садясь рядом с Беном, он поймал взгляд Рэйчел. Она улыбнулась ему, и он ощутил

внутри знакомый трепет. «Увидимся позже», – подумал он, втайне надеясь, что она его услышит.

– Что с твоей губой?

– Ничего, – ответил Райли. Это слово тоже имело привкус меди.

5

Двадцать минут спустя, когда автобус Первой баптистской церкви ехал в южную часть города по направлению к шоссе Камберленд-Фолс, Джек Тремли припарковал свою «мазду» через дорогу от местечка под названием «Дэвлинс-он-Мэйн». Машины Чака он не увидел, поэтому подождал несколько минут, проверяя сообщения на телефоне. «Все в порядке?» – спрашивала его агент.

Джек напечатал краткий ответ: «Похищен местными. Заставили выступать в шоу уродцев. Пришли помощь» – и отправил сообщение со смайликом.

Солнце садилось, и на машину опустилась длинная тень. Через несколько минут вывеска ресторана загорелась ярко-красным неоном, обещая изысканные блюда и крепкие напитки. Джек поднял глаза, ошеломленный внезапным красноватым сиянием. Он попытался вспомнить, как выглядела Мэйн-стрит по вечерам. В целом, она вымирала. Раньше большинство заведений в это время уже закрывались. Однако теперь многие витрины на главной улице Стауфорда не гасли, а двери открывались.

В «Дэвлинс-он-Мэйн» вошли две пары и группа молодых женщин. Навстречу им вышел молодой человек в черном фартуке; мгновение спустя он стоял под уличным фонарем на углу и курил.

Джек несколько минут наблюдал за официантом, заинтересовавшись контрастом красного сияния и фосфорного света и тем, как сигаретный дым походит на ленивое щупальце, тянущееся с неба. Он пожалел, что не взял с собой блокнот для набросков, поэтому сделал снимок на телефон, чтобы использовать в дальнейшем как референс.

Чак Типтри припарковал БМВ на открытом пространстве позади «мазды» Джека. Через минуту они вошли в ресторан. Пока ждали, когда их разместят, Джек разглядывал обстановку. Место казалось слишком модным для такого крошечного городка, как Стауфорд. Помещенные в ниши светильники создавали тусклые ореолы вокруг столов, украшенных свечами и красными скатертями. В дальнем конце помещения ансамбль играл медленную кавер-версию песни Роя Орбисона «Во снах», и Джек с удивлением увидел, как перед маленькой сценой медленно танцуют две пары. Барная стойка располагалась в центре зала, все стулья были заняты посетителями, которые потягивали напитки, угрюмо смотрели в свои телефоны, с горечью размышляя над очередной прошедшей неделей.

Но что привлекло внимание Джека, так это изображение в рамке, висящее над одной из секций стойки, между меню напитков и серией фотографий различных знаменитостей. На репродукции была запечатлена бледная оглядывающаяся через плечо женщина, половину лица которой скрывали пряди красновато-каштановых волос. Накинута на одну половину тела черная мантия была приспущена так низко, что на изгибе бедра виднелась татуировка с изображением щупальца. В одной руке женщина держала ярко-красное яблоко, которое протягивала падающей звезде, в то время как мир вокруг нее был охвачен пламенем.

Джек хорошо знал это изображение, так как неделями трудился над тем, чтобы уловить пропорции модели. Ее звали Одра Грей, и он спал с ней после каждого сеанса рисования столько раз, что уже думал, будто они что-то значат друг для друга. У него были целые альбомы с набросками ее спящей фигуры, запечатленной в ранние часы, когда кошмары заставляли его с криком пробуждаться ото сна. Она бросила его ради Западного побережья, обещающего ей славу, объяснив разрыв их отношений отсутствием у него успеха.

«Утренняя звезда» была его первой профессиональной продажей. Через шесть месяцев после этой сделки у него прошла первая выставка, он подписал контракт с Карли и стал вести переговоры о создании концепт-арта для будущего фильма ужасов. Последнее, что он слышал, это то, что Одра работала официанткой в клубе под названием «Гиады» на бульваре Сансет, но это было пару лет назад, задолго до того, как то место сгорело дотла. Снова увидев картину, с изображенной на ней грациозной фигурой Одры, он почувствовал горечь ностальгии – призрак душевной боли зазвенел цепями. «Надеюсь, у нее все в порядке», – подумал он.

Чак наклонился ближе и спросил:

– За столик или за стойку?

– За столик, – тут же ответил Джек. Он не ел с обеда, и от запаха еды на гриле у него заурчало в животе.

Когда они сели, Джек повернулся к Чаку и указал на картину.

– Похоже, здесь в городе у меня есть как минимум один поклонник.

Чак повернулся, оглядываясь на барную стойку.

– Да, действительно. Один из владельцев – твой фанат. Скоро она к нам присоединится.

– Она? – Джек удивленно выгнул бровь. – Я ее знаю?

– Спокойно, тигр. Ты не так все понял. И да, собственно говоря, ты ее знаешь.

– Действительно?

– Ага.

Джек улыбнулся.

– Ясно. Пока буду пребывать в напряженном ожидании. А что насчет другого владельца?

Чак просиял.

– Он прямо перед тобой.

Молодая энергичная официантка подошла к их столику.

– Здравствуйтесь, мистер Типтри. Сегодня вам как обычно?

– Конечно, Дарла.

После того как они заказали напитки, Джек откинулся на спинку стула и рассмеялся:

– Никогда бы не подумал, что ты предприниматель.

Чак пожал плечами.

– Каждый делает то, что может. Кстати, еда и напитки за счет заведения.

– Премного благодарен, – сказал Джек. – И давно ты владеешь этим местом?

– Уже несколько лет. Купил его у Здоровяка Рона Тасвелла, когда тот вышел на пенсию.

Хотя ресторан казался хорошим дополнением к городу, Джек почувствовал легкую грусть, узнав, что универмаг «Ронс» больше не работает. Раньше Бабуля Джини каждый август и январь возила его туда покупать одежду для школы. Он вспомнил, что у Большого Рона всегда была пригоршня соленых крендельков, и когда он говорил, изо рта у него во все стороны летели крошки. Если отбросить ностальгию, Джек не знал, что его больше удивило: то, что Здоровяк Рон Тасвелл не передал семейный бизнес своим сыновьям или то, что Чак Типтри стал владельцем ресторана.

– Примерно через год после того, как я купил его, нашел партнера, который помог руководить ремонтом. Мы открылись полтора года назад и с тех пор стабильно развиваемся. Тем более что местная общественность проголосовала за разрешение продажи спиртных напитков.

После того как Дарла принесла им напитки – «грязный мартини» для Чака и пиво для Джека – Чак придвинул Джеку листок бумаги.

– Вот номер подрядчика, о котором я говорил тебе ранее. Скажи, что ты от меня. Должен сделать тебе хорошую скидку за замену окон.

Джек взял записку и положил в карман.

– Спасибо, мужик. Мне удалось оттереть краску с обшивки и закрыть окна полиэтиленом, но не более того.

– Да, я так и думал. – Чак сделал глоток martinini. – Честно говоря, я немного удивился, когда ты позвонил. Мне показалось, что ты был расстроен. Все в порядке?

Джек провел кончиком большого пальца по горлышку бутылки, вспоминая мужчин в простынях возле бабушкиного дома. Это были воспоминания? Или полузабытые сны, искаженные течением времени, превращенные в тень, напоминающую реальность? Он не мог сказать. С той ночи прошло столько лет, за которые он совершенно забыл эту сцену. И ему уже казалось, что граница между сном и бодрствованием стерлась.

Ему *хотелось* верить, что это был сон ребенка с чрезмерно активным воображением, хотя в глубине души подозревал, что это не так. Детали были слишком яркими, воспоминания – слишком реальными.

– Джек? – Чак забарабанил пальцами по столу. – Ты со мной, дружище?

– Да, – ответил Джек, выходя из задумчивости. – Извини. Я был в другом месте.

– Я заметил. Спрошу еще раз: все в порядке?

Джек сделал глоток пива.

– Да, я в порядке. Тяжелый был день. Ты же знаешь, каково это. Долгая поездка, эмоционально истощающая процедура утверждения завещания, все, как обычно.

– Выпьем же за это, – сказал Чак, поднимая бокал. Они чокнулись и рассмеялись, но эта веселость не помогла погасить разгорающийся в Джеке страх. Страх, что ему рано или поздно придется вернуться в дом своей бабушки и перебрать ее вещи. От одной только мысли об этом он чувствовал себя упырем, грабящим могилы.

– Подожди, – сказал Чак, поднимаясь на ноги. – Привет, Стеф. Мы здесь.

Джек поднял глаза и увидел, что к их столику неспешно приближается знакомая кудрявая брюнетка. У нее были татуировки на обеих руках, пирсинг в бровях и носу, а губы накрашены помадой сливового цвета. Он узнал ее по рекламному щиту, который заметил по дороге в город. Они встретились глазами и смотрели друг на друга какое-то время, пока их не осенило. Он узнал ту ухмылку.

– Ни хрена себе, – пробормотал он. – Стефани? Это действительно ты?

– Привет, незнакомец. Обними меня.

Воссоединившиеся братья и сестры принялись вспоминать за едой и напитками события последних двадцати лет. Чак потчевал их рассказами о своей вакханалии в юридической школе, когда он сдал экзамен на адвоката штата со второй попытки, поскольку в первый раз пришел со страшного похмелья. У него было много друзей и ни одной жены, и этой статистикой он, похоже, гордился.

Стефани рассказывала про годы после колледжа, как изучала тележурналистику и мечтала открыть собственную радиостанцию. Казалось, у обоих дела идут неплохо, и Джек обратил внимание на этот факт. Стефани допила вторую порцию виски с лимоном и пожала плечами.

– Все относительно, Джеки. Сейчас рекламодатели нас любят, но все может резко измениться, понимаешь? Если «Бригада Иисуса» добьется своего, с «Рогами» будет покончено.

– Что ты имеешь в виду? – спросил Джек.

– Они получают угрозы, – вклинился в разговор Чак.

Стефани стиснула челюсти и подняла палец вверх.

– Мы проповедуем дьявольское евангелие, развращаем невинных детишек музыкой Люцифера!

Чак рассмеялся.

– Как это написали в «Трибьюн»? «Сатанинская порнография» или что-то в этом роде?

– Дамы из Первой баптистской церкви выкупили в газете целую полосу, в попытке заручиться поддержкой голосов, чтобы закрыть нас. Но это не сработало. Детишки любят нас!

Джек улыбнулся, вспоминая утреннюю шумную проповедь Рут. Он хотел уже рассказать о ее комментариях Стефани, но передумал и вместо этого сменил тему.

– Что насчет Бобби? Или Зика?

– У Бобби, по большей части, все хорошо, – ответил Чак. – Сейчас он настоятель Первой баптистской церкви. Вот только с Райли у него полно хлопот. С тех пор как умерла Джанет.

Джек моргнул, воздух вышел из него, как из проколотого воздушного шара.

– Джанет умерла?

– Рак, – вздохнула Стефани. – Бедняга воспринял это спокойно, но без нее он превратился в пустую оболочку. Я изредка помогаю с Райли, но Бобби почти не разговаривает со мной, поскольку считает, что я оказываю на его сына дурное влияние. Чак тоже поддерживает связь.

– Пытаюсь, – сказал Чак, – но иногда до него трудно достучаться. Парень зарывается в своей церкви. Вы же знаете, как это бывает.

Все мрачно кивнули и слегка отстранились от столика, собираясь с мыслями. Джек подумал о покойной жене Бобби, Джанет, и выпил пива в память о ней. Они никогда не встречались, но он слышал о ней и о том, как счастлив был с ней Бобби. Новость о ее смерти все равно стала для Джека ударом.

Его мысли вернулись к Зику, и он снова спросил. Стефани и Чак переглянулись, словно спрашивая друг друга: «Ты ему скажешь или я?»

Наконец, Стефани заговорила, доставая стебелек от вишенки из пустого бокала.

– У Зика плохи дела. Наркотики. Мет, по-моему. С тех пор как он связался с Вэйлоном Парксом...

– С Вэйлоном Парксом? – усмехнулся Джек. – Господи, этот парень еще жив?

– Угу, – ответил Чак. – Трудно поверить, не так ли? Этот парень нюхал кокаин, когда учился в начальной школе. И Зик, ну, ты же знаешь, он никогда не отличался умом...

Джек кивнул.

– Да, парень всегда ходил в летнюю школу, чтобы не остаться на второй год. Он же жил со Сюзан какое-то время?

– Да, это так, Джек. – Сюзан Прюитт подошла к их столику, появившись из толпы посетителей. На ней был вечерний наряд – узкое черное платье и высокие кожаные сапоги. Джек взглянул на нее, ошеломленный столь внезапным появлением. Чак поднял свой бокал.

– Добрый вечер, Сюзан.

– Не знала, что будет вечеринка, – улыбнулась она и бросила на каждого холодный взгляд, словно проверяя их решимость и смотря, кто сникнет первым. – Наверное, я пропустила приглашение.

– Все не так, – сказал Джек, сдвигаясь в сторону. – Присоединяйся.

– О, все в порядке, Джеки. Я здесь все равно не одна.

Прежде чем он успел спросить, высокий парень в темно-синей полицейской форме подошел к ней и обнял за талию. Падающий сверху свет попал на его нагрудный значок, высветив написанную заглавными буквами фамилию «БЕЛЛ». Джек какое-то время смотрел на значок, прежде чем его взгляд пополз вверх, по бочкообразной груди человека, которого он когда-то считал неадекватным.

С возрастом Оззи Белл не стал другим, разве что над ремнем у него теперь нависало огромное пузо. Дерзкая ухмылка, казалось, зацементировавшаяся на лице за счет жесткой линии подбородка, заостренный нос и ледяные глаза совершенно не изменились и пугали так же, как и в последний раз, когда Джек видел его. Тот факт, что кто-то счел нужным избрать этого человека главой полицейского управления Стауфорда, пугал не меньше. И Джек представил, что Оззи будет смотреться так же естественно в черной форме с железным орлом и свастикой. *Зиг хайль, герр Белл.*

Только эта форма давала власть придурку, терроризировавшему и покалечившему несчетное количество одноклассников Джека. Глядя на него снизу вверх, Джек снова почув-

ствовал себя пятнадцатилетним беззащитным подростком и пожалел, что не может улизнуть незамеченным.

– Добрый вечер, – сказал Оззи, кивая Чаку и Стефани. Когда его взгляд упал на Джека, он замер. – Будь я проклят. Джек Тремли. Со школы тебя не видел. Ты по-прежнему «пачкун»?

Над столиком повисла тишина. Оскорбление Оззи будто высосало из всех воздух. Джек медленно выдохнул через нос и, улыбаясь, кивнул. Он услышал у себя в голове голос своего агента: *Не надо, Джек. Забудь.*

Только он не сможет. Прошло двадцать лет, а этот парень все еще пытался доказать свое превосходство над ним, как в старые времена? Нет. Уже нет.

– Ага, Оз, – ответил он. – Я по-прежнему «пачкун». А ты, я вижу, по-прежнему имбецил. Рад, что ты нашел себя. Кстати, фашизм тебе идет.

Лицо у Оззи вспыхнуло, щеки покрылись красными, похожими на кровоподтеки пятнами. Он улыбнулся, открыв рот, чтобы ответить, но Сюзан положила руку ему на плечо.

– Брось, – сказала она. – Давай оставим их в покое. Все равно я уже слишком много выпила. Ты же отвезешь меня домой? – Встав на цыпочки, она чмокнула Оззи в подбородок, и щеки у него посветлели.

Чак снова поднял бокал.

– До скорого, шеф.

Глядя им вслед, Джек закусил губу, чтобы не сказать чего-то еще. Стефани наклонилась вперед и смущенно улыбнулась.

– А ты по-прежнему бузотер, Джек Тремли. И мне это нравится. Добро пожаловать домой.

6

Зик пожалел, что не остановил своего друга у моста. Конечно же, он сомневался в невесте Вэйлона. Но Зик был взрослым человеком, а монстр, преследовавший его во сне, давно умер. Меньше всего он хотел выглядеть в глазах друга трусливым слабаком. Да и что плохого в том, если они разобьют лагерь на старом участке? Что такого, если проведут пару дней в лесу возле места страшного массового самоубийства? В любом случае, все то дерьмо, которое случилось в его детстве, вероятно, было чередой ночных кошмаров. Возможно, в их основе была доля правды. Но детское воображение – существо дикое и жестокое, способное утащить невинную правду в темноту, чтобы сожрать ее.

Эта ложь не могла прогнать холодок, постоянно пробегающий по коже, пока они шли пешком в заброшенную деревню. Даже когда они обустроивали кухню в одной из хижин, даже когда пот катился по его шее, спине и затекал между ягодиц, этот холод проникал глубоко в мозг. Зик дважды останавливался из-за неконтролируемой дрожи. Случись такое в другой день и в другом месте, он подумал бы, что заболел.

«Тебе страшно, мальчик. Точно так же, как тогда, когда ты просыпался ночью, промокший от пота и кричащий, что пастор идет за тобой, чтобы скормить своему богу. Его бог был голоден, всегда искал тебя в темноте, полз к тебе, пытаясь лизнуть своими многочисленными языками, пытался вгрызться в тебя своими многочисленными зубами...»

Зик вздрогнул, прогнав от себя голос своего деда, собрался с мыслями и сосредоточился на работе. Они с Вэйлоном следовали инструкциям, найденным в Интернете, работали при свете фонарика, когда остались без солнечного света. И хотя мыслями Зик был где-то в другом месте, дрожь не прекращалась.

Когда все было настроено, Вэйлон предложил сделать перерыв перед тем, как включить горелку.

– Дай мне фонарик, – сказал он, – мне нужно пойти отлить.

Зик замешкался. Холодный шип вонзился ему в живот, наполнив таким страхом, от которого сжался кишечник и съежились яички.

– Не уходи далеко, – сказал он и тут же почувствовал себя глупо.

Вэйлон поднес фонарик к лицу и высунул язык.

– Спасибо, папочка. Постараюсь не попасться страшилищу.

Зик издал легкомысленный смешок, но когда Вэйлон вышел из хижины, оставив его сидеть одного в темноте на старом складном стуле, страх усилился. Минуту спустя он услышал, как Вэйлон ругает мух, забредая все глубже в деревню.

А затем наступила тишина, лишь жужжали вдали ночные насекомые да шелестели на слабом ветру листья деревьев. Зик ждал, пока глаза привыкнут к темноте, следя за контурами гнилой, грубо сколоченной двери, косо висящей на петлях. Пол был покрыт землей и листьями, а время от времени усиливающийся ветерок доносил прелый запах звериного помета. В дальнем углу хижины лежал старый матрас, покрытый темными пятнами и смердящий плесенью.

Зик задался вопросом, как, черт возьми, кто-то мог обитать здесь, в лесу, без водопровода и электричества. Конечно, люди жили так тысячи лет, но лишь потому, что у них не было выбора. Тот момент, когда человек получил в свое распоряжение свет и свежую воду, чтобы, когда нужно, он мог помыть себе задницу, стал настоящей поворотной точкой в истории цивилизации.

– И все же мы годами жили здесь. Мама, ты выжила из ума.

Воспоминания Зика о матери напоминали выцветшие снимки, окаймленные темными виньетки и обгоревшие по краям. Она так часто избивала его, что он думал, будто она его ненавидит, хотя говорила обратное. «Ты особенный, – всегда говорила она ему. – Ты – один из избранных Господом».

Он не чувствовал себя избранным. Его жизнь была нарезкой колоссальных провалов, чередой тихих трагедий. Все остальные выжившие дети из «Стауфордской шестерки» пошли дальше и чего-то добились. Но не Зик. Вместо того чтобы гулять в городе с девушкой или быть дома с семьей, он сидел на корточках в заброшенной хижине посреди глуши, готовясь варить партию «грязного» метамфетамина. Если и он должен был сделать что-то важное, то опоздал на этот автобус как минимум на пару часов.

«Один из избранных Господом, – подумал он. – Пошло все на хрен».

Как все эти люди могли быть такими невежественными? Он едва помнил их лица, но не забыл их беззаветную преданность, их радость и блаженство всякий раз, когда его отец говорил перед толпой. Он задавался вопросом, как столько людей смогло отказаться от всего, доверившись слову простого смертного.

Вот только, Эзикиел, это был не простой смертный. Это был твой отец. Твой спаситель. Он был словом, голосом и рукой Господа. Был. И есть. Однажды наступит расплата, о да, поскольку твой отец не закончил свои дела. Прямо сейчас он выбирается из ада и как спаситель еретиков возвращается домой, чтобы освободить свой народ.

Рассудок Зика погружался во тьму, и его воображение снова стало играть с ним злые шутки. Это призрачное поселение тревожило его, заставляло нервничать как никогда раньше. Он чувствовал себя нарушителем, забравшимся на кладбище. Люди, которые снялись с насиженных мест, распродали все свое имущество и отдали вырученные деньги отцовской церкви за обещание построить посреди леса утопию, все они умерли здесь. Их духи будут бродить здесь всю оставшуюся вечность, рука об руку, снова и снова проигрывая последние мгновения своей жизни.

– Хватит, – произнес Зик, не обращая внимания на стук своих зубов. – Ты пугаешь сам себя.

Возможно, дело в темноте. Возможно, в том, что он в пустой деревне мертвецов. Возможно, в том, что его друг до сих пор не вернулся.

Вот дерьмо.

Зик встал и осторожно подошел к дверному проему. Выглянул наружу. Лунный свет сочился сквозь деревья, освещая тропу, проходящую через заброшенный лагерь.

– Вэйлон? – Лес шелестел и дышал вокруг него. Зик прочистил горло и позвал громче: – Вэйлон, хватит валять дурака, мужик.

Лес не ответил, его друг тоже молчал. Холодок снова пополз по нему, заставив дрожать целую минуту, пока он не взял себя в руки.

«Это глупо, – подумал он. – Ты пугаешься на ровном месте. А тот придурок спрятался где-то там и смеется над тобой. Он с самого начала знал, что это место значит для тебя, и привез тебя сюда, просто чтобы поиздеваться над тобой».

– И у него получилось, – пробормотал Зик. Лес впитал голос, заглушив первобытными звуками природы – стрекотом сверчков, писком грызунов в кустах ежевики, шелестом листьев на ветру, слишком холодном для этого времени года. Он снова окликнул Вэйлона и подождал, слушая тяжелый стук сердца у себя в груди.

Раз одна тысяча.

Два одна тысяча.

Три одна тысяча.

Четыре одна тысяча.

Утробный крик разорвал ночь, уничтожая всякую надежду на то, что это была шутка. С бешено колотящимся сердцем, ковыляя на ватных ногах, Зик выбрался из хижины под искаженный лунный свет. Он снова позвал Вэйлона, но друг молчал. Лес поглотил его крики так же легко, как и рассудок. Тусклый свет луны спроецировал на подлесок призрачные, похожие на марионеток тени. Все шевелилось вокруг, движимое ветром, а постоянный шелест листвы наполнял голову змеиным шипением.

Растерянный, с сердцем, охваченным ледяным ужасом, который он не испытывал с детства, работая ногами как поршнями, Зик Биллингс заставил себя двинуться в темноту. Он проследовал по смутным очертаниям тропы через центр деревни, мимо дюжины заросших построек, чьи грязные окна были заполнены лицами мертвецов. Он видел их краем глаза, пока бежал, говоря себе, что их там нет, что это игра лунного света и древесных ветвей, дополненная бурным воображением.

Его стремление найти Вэйлона подпитывалось желанием покинуть это место, навсегда забыть безмолвные воспоминания о рабстве и проклятии, отбросить их обратно в темные залы своих кошмаров.

Поэтому он бежал. Бежал, пока призрачная рука не сдавила ему ребра, сжимая их все сильнее с каждым шагом. Бежал, пока сердце не начало дымиться, а легкие не объяло огнем. Обливаясь слезами, он неслся к прогалине. Каждый шаг давался труднее, чем предыдущий. И когда ноги запнулись о гнилую кору лежащего на пути бревна, он с удовлетворением воспринял свое падение. Твердая, пахнущая плесенью почва и мягкая трава соприкоснулись с его лицом.

Оттолкнувшись от земли, Зик поднялся на колени. Вытер глаза, и, когда зрение, наконец, прояснилось, сердце у него ушло в пятки.

– Нет, нет, нет, только не здесь. Где угодно, только не здесь...

В центре прогалины возвышался холм Кэлвери-Хилл, старая каменистая тропа на его склоне заросла сорняками. Церковь, конечно же, давно исчезла, сгорела дотла несколько десятилетий назад, но ее призрак остался стоять в окне его воображения.

На небе, прямо над холмом, словно немигающее Божье око висела полная луна. Его голову заполнили слова Сьюзан, воспоминания из того далекого времени, когда мир еще имел для него какое-то подобие смысла. *Сегодня полнолуние.*

Зик стоял на коленях, таращась на безмолвный монумент из своего детства, недоверчиво наблюдая, как дышит лунным светом земля. Он был настолько зачарован этим зрелищем, что не заметил у края зоны видимости какое-то движение.

За спиной у него раздалось хлюпанье. Чавканье, треск и хруст. Шип страха впился ему в живот, наполняя парализующим холодом, высасывая последнюю каплю решимости. Зик медленно повернул голову на звуки, сердце у него снова бешено забилося, когда он увидел огромную тень, склонившуюся над мертвым стволом.

Тень сдвинулась с места, позволив лунному свету упасть на бревно, и Зик замер от ужаса.

На траве, распластавшись, лежал Вэйлон. Одна нога вывернута под неестественным углом назад, остекленевшие глаза устремлены в безразличное небо, а на лице застыла причудливая гримаса агонии. Рубашка у него была разорвана, а в груди зияла кровавая дыра. От теплых внутренностей поднималась тонкая струйка пара.

Тень сунула руку в зияющую полость, отломила одно из ребер и принялась высасывать костный мозг.

– О боже, – пробормотал Зик. Его слова скорее походили на хрип, и тень услышала его. Она подняла голову и повернулась к нему, явив лицо, заляпанное грязью и кровью. В сальных волосах твари копошились черви, ползали по лбу вокруг старой огнестрельной раны. Хрустя ребром Вэйлона, тень посмотрела на Зика. Глаза у нее светились – две сапфировых сферы, парящих в темноте.

Зик Биллингс воочию встретился с лицом из своих кошмаров и пронзительно закричал.

Джейкоб Мастерс сверкнул мрачной улыбкой и прохрипел:

– Мой маленький агнец.

Глава восьмая

1

Лунный свет сочился тонкой пеленой в открытое окно спальни, и Сьюзан Прюитт стояла в его сиянии, отчего ее обнаженное тело покрылось бледным блеском. Оззи застонал во сне и попытался перевернуться, но его рука все еще была прикована к стойке кровати, и он замер под неестественным углом, с опущенной к груди головой. Из носа у него вырвался раскатистый храп.

Она посмотрела на него, нахмурившись. Сколько времени, – задалась она вопросом, – потребуется, чтобы он так задохнулся? Или просто задушить его подушкой? Она проиграла в уме последующий разговор: *Да, офицер, он был в порядке, когда мы легли спать, хотя и немножко храпел. Нет, он никогда не ходил на исследование сна, хотя я постоянно говорила ему сделать это. Говорят, сонное апноэ – это тихий убийца, но...*

От очередной трели храпа, заполнившей комнату, пол завибрировал у нее под ногами.

«Возможно, и не такой тихий», – сказала себе Сьюзан, чувствуя внезапное тепло между ног. Она подумала о том, чтобы разбудить его и устроить новую «скачку», но выпитые им в баре шоты уже сотворили чудеса. Он полчаса пытался добиться эрекции, но к тому времени она уже спала – жар ее желания угас, сменившись холодной влажной скукой. Такое воздействие на нее оказывал Оззи Белл. И она праздно задалась вопросом, как такой здоровяк, столь высоко отзывавшийся о своих способностях, может быть таким скучным.

«И иметь такой маленький член, – подумала она, ухмыльнувшись. – Хотя даже маленькие вещи имеют свое предназначение».

Жители Стауфорда любили почесать языком. И в последнее время предметом этой болтовни становились многочисленные вечера, которые она проводила в городе вместе с Оззи.

Шеф нашел себе милую девушку для серьезных отношений...

О, но разве она не из бедных детей из той церкви...

Она из «Стауфордской шестерки», верно...

Может, шеф Белл найдет себе кого-нибудь получше, кого-нибудь с прошлым почище...

Работая в бургерной, Сьюзан была знакома с самыми разными сплетнями, что было одной из причин, по которой она занимала эту должность последние шесть лет. Ее поражало то, сколько всего можно узнать, просто притворившись, что не слушаешь. Праведные стауфордские баптисты любили почесать языком. Она не думала, что их пустые сердца могут вмещать столько секретов.

– Пусть болтают, – прошептала она в пустоту, снова переводя взгляд на луну. Ее наперсница, сияющий портал и проводник. Сколько разговоров она провела с луной? Бесчисленное множество, конечно же. Но о своих сердечных желаниях не осмеливалась говорить с кем-либо еще, даже с Оззи. Стауфорд не умел держать язык за зубами. И ей меньше всего нужно было, чтобы ее заклеили ведьмой, как Имоджин Тремли. Но луна будет ее слушать и не будет осуждать. Луна присматривала за ней, направляя в делах, которые можно творить лишь в сумеречные часы. Сквозь ее немигающее око с ней говорил отец. Рассказывал свои секреты. Посвящал в свои планы. И она ждала.

Через луну отец повелел ей возлечь с начальником городской полиции. *Он станет твоими глазами и ушами. Будет твоим щитом.* И, как послушная дочь, она делала это уже несколько месяцев, глотала слова Оззи. Чтобы угодить своему ухажеру, открывалась ему в тех местах, куда он не должен был проникать.

Через луну отец повелел ей осквернить дом той еретической ведьмы. *Надругаться над местом, где она родилась. И над местом, где она гниет в земле.* И как послушная дочь, она поехала в хозяйственный магазин и купила баллончики с краской. Пометила старый викторианский дом на окраине города, а затем надгробие Имоджин. Вот только она слышала, что кладбищенский смотритель обнаружил ее граффити и смыл краску с отделанного гранита. Через несколько дней Сьюзан поехала на кладбище, чтобы закончить свою работу, но увидела там Джека Тремли. И эта встреча ошеломила ее. Она вовсе не ожидала, что он вернется. Хотя не важно. Она продолжит делать то, что велит отец.

Через луну он повелел ей ждать. *Когда все еретики сгниют и луна снова станет полной, я вернусь к тебе, дочь моя. Мы построим рай на пепелище этого мира.*

И, как послушная дочь, она ждала, отмечая в своем календаре дни до первого полнолуния после того, как Имоджин Тремли была предана земле.

Ждала, глядя на белое око, серебрящее ее тело, разум и душу. Мягкий ветерок шелестел листьями деревьев за окном и наполнял комнату прохладным воздухом. Ее тело покрылось гусиной кожей, а соски затвердели. Она обвела луну пальцем, мысленно формируя священный полукруг.

Капля крови упала на ноготь большого пальца ноги. Сьюзан опустила глаза, гадая, не снится ли ей все это, но тут пролилась еще одна кровавая слеза.

Она посмотрела на луну, на свою протянутую руку, на палец и заметила на запястье кровавый полукруг. Из-под кожи сочились кровавые слезы, следуя чернильным штрихам татуировки, которую она сделала несколько лет назад. Символ, который ее отец выжиг у себя на лице, прежде чем та ведьма отняла у него жизнь. Сьюзан в благоговении уставилась на кровоточащую рану на запястье. Глаза наполнились слезами.

Я приду снова, мой маленький агнец. Я был и я есть.

– Ты будешь всегда, – всхлипнула она, давая волю слезам и опускаясь на колени. Кровь текла из раны, забрызгивая ее бедра и пол вокруг, образуя поллоковскую картину, изображающую жертвоприношение и преданность.

Сьюзан с мольбой подняла к окну окровавленную руку. Улыбнулась и сказала:

– Твоя воля и Старые Обычаи неразделимы.

Луна ничего не ответила ей.

2

Луна ничего не сказала и Зик, несмотря на его мольбы и крики. Отец встал перед ним, заслоняя собой лунный свет, и провел покрытой коркой грязи рукой по его волосам. Зик задрожал от его прикосновения, от грубой текстуры крошащихся отцовских пальцев по коже у него пошли мурашки. От затхлого запаха могилы, зловония гнили, десятилетиями лежавшей под слоем золы и земли, закрутило живот. И он дважды давился желчью, угрожающей вырваться наружу.

Мысли в голове у Зика бешено кружились, он был не в силах поверить в реальность происходящего. Его отец умер. Он видел, как Имоджин Тремли всадила одну пулю ему в грудь, а другую – в голову. Видел, как она разрядила весь барабан в истекающий кровью труп отца. Эта гротескная сцена преследовала его всю жизнь, мучая недосыпом и депрессией.

И все же отец стоял сейчас перед ним, покрытый коркой грязи и залитый кровью Вэйлона. Глаза Зика наполнились слезами.

– Не плачь, мой агнец. – Голос Джейкоба был сухим и хриплым, похожим на шелест травы и почвы, выдуваемой ветром с парового поля. – Твой друг добровольно отдал свою жизнь господу. Причащение плотью и кровью. – Он вытер подбородок и улыбнулся. – Нас ждет великий праздник.

Джейкоб схватил Зика за нижнюю челюсть и приподнял ему голову. Зик заставил себя посмотреть в светящиеся голубые глаза твари, некогда бывшей его отцом. Черные черви, прилипшие к лицу преподобного, шарили в воздухе, совершая судорожные круговые движения. Они словно чувствовали слезы Зика и его горе. Словно пробовали на вкус его страх.

– Но я должен знать, маленький агнец, что стало с идолом нашего господа?

Зик не знал, что ответить, он даже не понимал, о чем Джейкоб говорит. Голос подвел его, заставив издать лишь что-то похожее на глухой кашель. Джейкоб схватил сына за щеки и сжал.

– Где идол, дитя?

Но Зик не смог ответить. Вместо этого он стал кричать до боли в горле, взывая о помощи, которая не придет.

Джейкоб Мастерс прижал руку к лицу Зика, заглушая крики своего плачущего, напуганного ребенка. Черные черви, ползающие по коже Джейкоба, лезли Зикю в рот, нос и глаза. Мир потемнел, погас, как спичка, но Зик продолжал чувствовать, как толстые пульсирующие существа медленно проникают в его разум.

– Ты сможешь мне найти его, – сказал Джейкоб, проводя почерневшим, раздутым языком по обугленным зубам. – И мы построим рай вместе.

Зик ничего не сказал, его рот был полон земли, червей и вязкой свернувшейся крови со вкусом нефти и тлена. Но он услышал, как в голове, в темноте за глазами, зудящими от прикосновения комковатых ползучих тварей, раздался его голос: *«Да, отец. Давай же построим рай вместе»*.

Джейкоб улыбнулся лунному свету, и круглый знак у него на лбу закровоточил.

3

– Итак, детки, хотите услышать страшную историю?

Брат Бена Тасвелла подкинул дров в костер и дьявольски ухмыльнулся, когда взлетевшие вверх искры растворились в ночи. Извивающиеся в танце языки пламени отбрасывали колышущиеся тени ему на лицо. Бен подумал, что в свете костра Дэниел выглядит как сумасшедший, и неожиданно для себя повторил ухмылку старшего брата. Его улыбка слегка дрогнула, когда он взглянул на Райли и увидел, что его друг, не обращая внимания на огонь, нашептывает что-то на ухо Рэйчел Мэтьюз, и при этом они держатся за руки. Бен отвернулся.

Остальные ребята из молодежной группы возликовали, чем единогласно проголосовали за «страшилки» у костра. Дэн Тасвелл жестом указал на огонь.

– Тогда все сюда. У меня есть для вас одна очень страшная история. – Дэниел подмигнул другой сопровождающей, Гленде Мартин, еще одной студентке колледжа, приехавшей на уик-энд. Она уловила намек Дэниела и ненадолго скрылась в тени. Вернувшись, Гленда держала в руке маленькую черную сумку. Отдав ее Дэниелу, она присоединилась к группе у костра.

Бен наклонился вперед, пытаясь привлечь внимание брата и молча выражая свое любопытство. Что в сумке? «Скоро, – подумал он, – они все узнают». Но, как младшему брату рассказчика, ему нередко делалось исключение, и он хотел быть посвященным раньше остальных детей.

Если Дэниел и заметил любопытствующий взгляд брата, то не подал виду. Вместо этого сунул в сумку руку. Оранжевый свет от костра отражался у него в очках, вызывая ассоциации с хеллоуиновской тыквой-фонарем.

– Вы готовы?

Наевшись зефирками и напившись теплым какао, члены молодежной группы Первой баптистской церкви сгруппировались вокруг костра и обратили все свое внимание на Дэниела. Все, кроме Рэйчел и Райли. Они обменивались тихими смешками. Бен пытался привлечь внимание

брата, пытался заставить его посмотреть на юную пару, но тот не замечал его, поскольку был слишком занят своим монологом.

На мгновение Бену пришла в голову мысль настучать на Райли по возвращении в город. Он был уверен, что преподобному Тейту будет не слишком приятно услышать, что его сын провел выходные, уединившись с Рэйчел Мэтьюз, но затем щеки у него вспыхнули от стыда. «Нельзя так поступать с другом, – произнес внутренний голос. – Особенно после того, как он сегодня спас тебя от Джимми Корда».

Бен вздохнул. Он был обязан Райли. Все произошло так быстро. Сперва Джимми загнал его в угол – он даже уже не помнил, из-за чего. Затем появился Райли с обеденным подносом. А потом Джимми истек кровью, а Райли улыбался, и...

– Бен?

Он поднял глаза, вырвавшись из задумчивости.

– Да, Дэн.

– Не отвлекайся, хорошо? У меня здесь почасовая оплата.

Гленда Мартин хихикнула, но остальные дети сохраняли молчание. Бен кивнул брату, чтобы тот продолжал.

– Итак, когда-то здесь была церковь. Много лет назад, до того как в Холли-Бэй построили плотину. Кто-нибудь из вас знает это?

Дети молчали, но Бен вдруг почувствовал, что едва сдерживает волнение. Он слегка подался вперед, испытывая нетерпение. Краем глаза увидел, что Райли, наконец, переключил свое внимание на Дэниела, но мрачное выражение его лица уже говорило о многом.

– Полагаю, что нет. Сейчас мало кто говорит об этом. Не так много их осталось. Дэниел позволил зловещим словам ненадолго повиснуть в воздухе, пока вытаскивал руку из сумки. Белый порошок просыпался сквозь пальцы и оживил пламя. Оранжевый всполох осветил лица детей, и они с благоговейным трепетом переглянулись.

Друг Бена, Тоби Гилпин, пихнул локтем его в руку. Затем, наклонившись, прошептал:

– Чувак, я не знал, что твой брат волшебник.

– Я тоже, – тихо ответил Бен, больше себе, чем другу.

– Эта старая церковь стояла в паре миль отсюда, – продолжил Дэниел. – Здесь, в этом лесу, недалеко от Девилз-Крик-роуд. Раньше там собиралась небольшая группа жителей Стауфорда, и старый служитель по имени Джейкоб Мастерс читал им проповеди про адский огонь и серу. Мой дед называл это «старинной верой». Здесь, в этом лесу, брат Мастерс построил для своих людей целую общину, чтобы они могли совершать свои обряды, не боясь, что им помешают.

Дэниел Тасвелл сделал паузу, скорее для того, чтобы перевести дыхание, чем чтобы усилить эффект, и где-то вдали ухнула сова, заставив некоторых детей вздрогнуть. Прочистив горло, он продолжил.

– Как бы то ни было, пошли слухи, что здесь, в этом лесу, происходит поклонение дьяволу. Люди слышали всевозможные истории о принесении в жертву животных, о странных звуках и свете после захода солнца, о песнопениях и людях в мантиях. Я был совсем юным, когда впервые услышал эти истории, не старше, чем ты сейчас, Бен.

Все дети посмотрели на него, даже Райли. У Бена вспыхнули щеки.

– Все знали, что нельзя ходить в Девилз-Крик. В городе у Джейкоба Мастерса была репутация человека, который немного слетел с катушек. Как и у всех его последователей. Его евангелие отличалось от того, которое мы изучаем по воскресеньям в Первой баптистской церкви. Со временем слухи продолжали множиться, пока однажды не начали пропадать дети.

Члены молодежной группы тревожно переглянулись. Гленда Мартин заерзала на месте и зажала рот рукой, чтобы скрыть улыбку. Теперь все они были целиком во власти Дэниела.

– Одно наложилось на другое, и вскоре жители Стауфорда собрали толпу. Поехали к церкви Джейкоба, сюда, в лес. И знаете, что они обнаружили?

Бен подался вперед, вслушиваясь в каждое слово брата. Тоби сделал то же самое, как и все остальные. Все, кроме Райли, который теперь сидел, скрестив руки. Глаза у него горели от гнева – такие Бен видел у него лишь однажды, ранее этим днем.

– Они обнаружили пропавших детей – то есть их части, подвешенные на деревья, как китайские колокольчики. Слухи были правдой, и добрые люди Стауфорда начали действовать слишком поздно. Они схватили последователей Джейкоба, чтобы отвезти в город и судить за убийство, но прежде, чем уехать, подожгли церковь.

– Все было не так, – пробормотал Райли, но лишь Рэйчел и Бен услышали его.

Дэниел сунул руку в сумку и достал еще одну пригоршню белого порошка. Прежде чем его брат бросил порошок в огонь, Бен понял, что это: сухие сливки для кофе. Ранее днем он видел банку в сумке брата и еще удивился, поскольку Дэниел никогда не пил кофе. Лицо Бена расплылось в улыбке, пока он наблюдал, как брат вызывает из костра очередную вспышку пламени. Дэниел Тасвелл подождал, когда огонь уляжется. Он облизнул губы, посмотрел на лица слушателей, после чего продолжил.

– Когда они подожгли здание, старик находился внутри. Мой дед говорил, что крики, доносившиеся из церкви, не принадлежали человеку. Было в них что-то звериное. Когда церковь сгорела дотла, те, кто не уехал, принялись рыться в золе в поисках останков Джейкоба, но так ничего и не нашли. В тот день старик Мастерс исчез, но если будете внимательно прислушиваться в холодные осенние ночи вроде этой, то, как говорят, сможете услышать его крики... *Что это там такое?*

Брат Бена вскочил на ноги и захихикал, когда вся группа детей взвизгнула от ужаса. Охваченные секундной паникой, они стали всматриваться в тени невидящими от костра глазами, пытаясь разглядеть фигуру злого Джейкоба Мастерса, убийцы детей. Конечно же, его там не было. Бен за милю почуял уловку брата, но подыграл, имитируя удивление, после чего захохотал вместе с ним.

– Очень смешно, Дэн. – Тоби оглянулся на Бена. – Твой братец – отстой.

– Как скажешь, – ухмыльнулся Бен. – Видел, ты чуть из ботинок не выпрыгнул.

Гленда Мартин хлопнула в ладоши.

– Ладно, дети. Утром нас ждет долгий поход, поэтому вы все должны немного поспать. Давайте возвращайтесь в свои палатки. Пора баиньки.

Дети начали расходиться, но Райли остался сидеть. Бен проследил, как он попрощался с Рэйчел, быстро подмигнув ей, после чего она побежала вместе с другими девочками к их палаткам.

Дэниел окликнул его.

– Эй, Бен, помоги мне погасить костер.

Послушавшись брата, тот принялся запихивать ногой землю в кострище. Огонь почти потух, когда из темноты появился Райли.

– Дэниел, – сказал он, – все было не так.

Дэниел усмехнулся, отмахиваясь от критики.

– Брось, это же просто история, Райли. Давай немного поспим, а?

– Ага, – ответил Райли, нахмурившись. Прежде чем уйти, он перехватил взгляд Бена. Бену показалось, что Райли сказал что-то еще, когда удалялся в темноту. *Это не просто история.*

От этих слов пульс у Бена участился, и он принялся спешно запинывать в кострище землю, поднимая вверх облака пыли и грязи. Когда в лесной темноте остались светиться последние угольки, Бен со всех ног бросился догонять друга, чтобы не идти одному.

Райли забрался в палатку. Включил портативный светодиодный фонарь, заполнивший интерьер бледным светом, и стал ждать возвращения Бена. Комментарий Дэниела не давал ему покоя, будто откусывал от мозга маленькие кусочки, отчего Райли чувствовал зуд там, где не мог почесать.

Это не просто история. По крайней мере, не такая, как ее понимал Райли. Он слышал в последнее время множество страшных легенд. Да и какой ребенок в Стауфорде их не слышал? Кто-то из старших братьев или сестер – родных или двоюродных – всегда пробалтывался. Обычно приглушенным шепотом, с каким-то диким весельем в глазах. «Страшилки» отличались примитивностью и передавались как предостережения. Но в основном – и для Райли это было не просто предположение – ради садистского удовольствия пугать кого-то с помощью одних лишь слов. И, как и в большинстве страшных историй, в них всегда была толика правды.

Райли помнил, как в один солнечный день на детской площадке стауфордской начальной школы мальчик по имени Чэд Симмонс поделился мрачной городской легендой. Чэд услышал эту историю от своего старшего брата, Дирка, а тот в свою очередь – от неназванного брата непосредственного участника событий. И ничего, что присутствовало расхождение в датах. Такие детали были пустяшными для маленького мальчика, жаждущего услышать страшилку.

Версия Чэда Симмонса была ближе к правде, но в ней отсутствовала одна неотъемлемая часть, которую Райли узнал лишь спустя годы, когда уже учился в старшей школе. Эту версию Джимми Корд обнародовал перед всем классом во время школьного собрания: «Разве твой папа был не из тех проклятых детей Девилз-Крика?»

Этого вопроса было достаточно, чтобы пробудить любопытство каждого подростка в школьной аудитории, и к концу дня репутация Райли Тейта полностью изменилась.

Отца едва не хватил сердечный удар, когда Райли задал ему вопрос.

«Так ты из тех проклятых детей Девилз-Крика?»

В течение последующего часа Бобби Тейт сидел на телефоне, за закрытой дверью своей спальни, и довольно громко спорил с кем-то, кто, по мнению Райли, мог быть лишь отцом Джимми Корда. Выйдя из спальни, Тейт-старший выглядел так, будто постарел лет на десять. Запавшие глаза, впалые щеки, поникшие плечи, подавленный вид. Бобби Тейт не был пьющим человеком, но Райли подозревал, что если б в доме имелся бурбон, то тогда отец к нему приложился бы.

В тот вечер Райли узнал правду о своем происхождении, и будь его мать еще жива, искал бы утешения в ее объятиях. Ее отсутствие ударило по нему сильнее, чем когда-либо. Все дети в школе были правы: он – уродец из долбанутой семейки.

«Но постарайся извлечь из этого максимум пользы, – сказал ему отец. – Если б меня беспокоило то, что люди думают обо мне, я не стал бы проповедником».

Решение Райли принять образ, проецируемый на него всеми, казалось самым простым выходом. Поскольку большую часть одноклассников он знал еще с детского сада, он понимал, что будет, если он попробует вырваться из пузыря, в который они его поместили. В Стауфорде любой, кто пытался возвыситься над своим социальным статусом, быстро становился изгоем. Быть монстром, которым они его считали, казалось ему вполне разумным. И походив несколько дней с накрашенными ногтями и в черной одежде, Райли осознал, что ему отчасти нравится быть этим монстром. Так он впервые почувствовал себя комфортно в собственной шкуре.

Были и другие, которым понравился этот монстр. Такие, как Рэйчел Мэтьюз, привлеченные ореолом таинственности, который Райли образовал вокруг себя. Быть монстром было по-своему выгодно. И в отличие от своего отца Райли когда-нибудь намеревался рассказать своим детям хорошие истории.

Бен забрался в палатку. Посмотрел на Райли и нахмурился.

– Что не так? Ты же уже не злишься по поводу того, что сказал мой брат, верно?

– Верно, – солгал Райли. – Хотя мне нужно поговорить с тобой.

Бен принялся разворачивать свой спальный мешок.

– Насчет сегодняшнего дня?

Райли замер. После домашнего разговора с отцом он почти забыл о школьном инциденте. Да, он полагал, что ему действительно нужно поговорить об этом с Беном. О том, чтобы держаться как можно дальше от Джимми Корда.

– Послушай, – продолжил Бен, – тебе не нужно было делать то, что ты сделал. Я твой должник. Спасибо.

– Не нужно было. Но если не я, тогда кто?

Мальчишки замолчали, обдумывая эти последние слова. Бен закончил расправлять постель и забрался в свой спальный мешок. Перевернулся на бок и посмотрел на Райли, подперев голову рукой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.